

КОНАН
И ПОХОД
ОБРЕЧЕННЫХ

КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ

Annotation

Новые приключения бесстрашного киммерийца его старого приятеля графа Леофрика в Бритунии...

•

Дуглас Брайан

Замок крови

В придорожной таверне «Колесо и шар», что стояла на самой границе Бритунии, было непривычно шумно и многолюдно. Обычно так случалось нечасто — только в те дни, когда здесь останавливались большие караваны. А больших торговых караванов на этой дороге не видели очень давно — с тех пор, как граф Леофрик покинул свои владения. Это случилось лет десять тому назад. Никто так и не понял, что именно вынудило сиятельного Леофрика, богатого и знатного вельможу, человека властного и ученого, оставить великолепный замок Эгрей, где у него имелся штат вышколенной прислуги, бросить родовые земли и с небольшой свитой отправиться на чужбину, в Черные страны и даже (поговаривают) в самую Стигию, оплот темной магии.

Но каковы бы ни были причины, по которым Леофрик распрощался с владениями своих предков и пустился в странствия, результатом стало запустение. Торговать здесь было больше не с кем, поэтому купцы обходили замок Эгрей стороной и входили в Бритунию другой дорогой, которая проходила чуть севернее. Хозяин «Колеса и шара», жилистый хмурый человек, упрямо оставался на месте и на все предложения отказаться от убыточной таверны и перебраться вслед за прочими в более «хлебные» места, отвечал одно и то же: «Слишком дорого далась мне эта таверна. Лучше уж я разорюсь, чем променяю ее на скучную жизнь в шумном городе».

У него имелись на то свои причины. Поговаривали, будто этот человек был когда-то контрабандистом; будто его разыскивают в десятках стран за

грабежи и убийства, за похищение женщин и торговлю рабынями; однако никто ничего толком не знал. В любом случае, теперь это был неразговорчивый мужчина, чья жизнь перешла за середину и сейчас клонилась к закату. Ему нравилось жить на отшибе, содержать скромную таверну и кормить редких посетителей вареным зерном с кусочками мяса (другой пищи он не признавал — злые языки поговаривали, будто к этому пойдя он пристрастился в те годы, что был прикован к веслу на галере; иные же поправляли — так, мол, кормят в аквилонских тюрьмах). На самом деле все эти рассказы не имели ничего общего с действительностью. Блюдо, о котором только что шла речь, было единственным, что умел стряпать одинокий трактирщик — все остальное у него неизменно пригорало или получалось полусырым.

Да, у него не было никакого кулинарного таланта, это следовало признать. Сам он посмеивался над собой — когда никто не мог его видеть, конечно, потому что на людях он неизменно оставался мрачным и молчаливым.

Кроме того (и это тоже следует признать) вареное зерно с мясом было вкусным и питательным — как раз то, что требуется усталому путнику.

А когда посетителей не было — такие дни выпадали все чаще и чаще — он просто сидел на ступенях своего дома, смотрел, как солнце садится за горы, как постепенно затихает суeta птиц и насекомых среди деревьев и в густой траве, наблюдал за потаенной, неизменной жизнью природы и все сильнее ощущал приближение покоя — того всеобъемлющего покоя, к которому стремятся все уставшие от долгой, полной приключений жизненной эпопеи.

Сейчас он уже не мог даже сказать с уверенностью, что все эти приключения произошли именно с ним. Нет, тот человек, что возил контрабандой одурманивающие порошки из южных стран в северные, что воровал красавиц из одних гаремов и продавал их в другие, — то был некто незнакомый; совсем другой человек, и наш трактирщик не имел с ним ничего общего. Все в прошлом. Сейчас — только тишина, покой, одинокая таверна «Колесо и шар».

Так оно и оставалось до того самого дня, когда неожиданно, как снег на голову, свалилось на него сразу полтора десятка посетителей. Хозяин даже не сумел заставить себя сделать приветливое лицо. Просто вышел им навстречу и стал хмуро смотреть, как они слезают с коней, выбираются из телег, просто подходят и обступают кого-то невысокого, довольно толстого, закутанного в плащ с головы до ног. Судя по движениям закутанного, он был далеко не молод.

«Принесла нелегкая», — подумал хозяин, а вслух проговорил:

— Добро пожаловать.

— Вероятно, ты хотел сказать: чтоб вы провалились, — заметил закутанный и откинул капюшон.

У него было круглое лицо со слегка отвисшими щеками. Обычно такие толстяки всегда добродушны и беспечны; так и видишь их с кружкой в руке возле бочонка с добрым элем. Увы — только не в этом случае. Гость был явно обременен какой-то давней печалью, и отпечаток заботы лежал в каждой черте его лица. Складки залегли возле рта, сжатого печально; в глазах таилась печаль, и даже морщинки вокруг глаз, свидетели улыбок, казались резкими штрихами, что оставляет беспокойство на гримасничающих лицах.

«Вот так дела!» — подумал хозяин таверны, поневоле ощутив давно забытое чувство: любопытство. Да, этот посетитель, несомненно, знатный и уважаемый человек, снедаемый многолетним беспокойством, вызвал несомненный интерес у повидавшего виды одинокого трактирщика.

— Ты дозволишь нам войти, почтенный? — заговорил толстяк. — Или будешь держать на пороге? Прости, если мы помешали твоим раздумьям! Нам показалось, что здесь таверна.

— Это так, — спохватился трактирщик. — Э... Добро пожаловать. Я это уже говорил?

— Да, — толстяк улыбнулся, как бы против воли. — Что ж, мы рады, что все разрешилось.

Хозяин посторонился, и посетители один за другим пошли в помещение. Здесь было просторно. Два стола и длинные лавки составляли все убранство комнаты. С потолка свешивалось колесо, к которому крепились толстые сальные свечи. Они совершенно запылились, потому что зажигали их очень редко. Обычно хозяин сумеречничал при свете очага, а его нечастые посетители довольствовались маленькой глиняной лампой, которую ради такого случая ставили перед ними на стол.

Поскольку до заката оставалось еще некоторое время, то и свечи зажигать не спешили. Пока что все рассаживались, а хозяин и один путешественник, судя по всему — конюх — расседывали и распрягали лошадей.

— Травы здесь довольно, — сказал хозяин. — Пусть пасутся.

— А сена у тебя не заготовлено? — изумился конюх.

Хозяин пожал плечами.

— А зачем? Здесь не так часто бывают приезжие.

— Но для чего ты держишь гостиницу в таких глухих краях? — не

отставал конюх, хотя по угрюмому виду своего собеседника уже давно мог бы сообразить: следует прекратить расспросы — и немедленно, иначе может последовать расправа, скорая и суровая. Но парень никак не мог угомониться. — Куда умнее было бы перебраться севернее, где много караванов с хорошим добром, и...

Хрясь! Удар по уху оглушил его на миг. Любопытный конюх замотал головой, потом приложил ладонь к уху и посмотрел на своего обидчика испуганно. А тот, не обращая больше внимания на паренька, продолжил заниматься своим делом. Потом отправился в дом.

Да, конечно. По северной дороге проходит много караванов. С хорошим добром. С хорошими, опытными охранниками. С охранниками, которые в жизни многое пережили и много повидали. В том числе — контрабандистов и грабителей с большой дороги. У хозяина «Колеса и шара» среди этого люда водилось немало знакомцев. И ему очень не хотелось повидаться с кем-нибудь, кто вынырнет из прежней его жизни и начнет задавать вопросы, а потом и делать предложения.

Нет уж. Он не сможет объяснить никому из тех, с кем прежде имел дело — будь то бывшие его приятели или бывшие недруги — что тот, былой человек, давно умер, что нынешний — всего лишь тихий трактирщик. Они не поверят. И тогда придется взять в руки нож и зарезать их. А это означает возвращение в тот мир, откуда он бежал много лет назад.

Но объяснять все это пареньку из свиты вельможного толстяка незачем. Пусть потрет ухо да поразмыслит о своем поведении. Не всякий, кому он станет задавать вопросы в будущем, окажется столь же добрым и человечным. Иной в ответ на неудачно сказанное слово берется за добрый клинок.

«Фирменное блюдо» уже кипело в котле. Помешивая варево большой ложкой на длинном черенке, хозяин поглядывал на своих гостей, мысленно распределяя их по рангам и сословиям. Нашлось, о чем призадуматься. Несколько человек были крестьянами. Двое мужчин, три женщины и ребенок. Они скромно заняли места у самого выхода. Зеленоглазая особа средних лет, в красивом чепце и платье из хорошей ткани, — скорее всего, прислуга в богатом доме. Судя по тому, что руки у нее были обветренными, распухшими и кое-где даже потрескались, она занималась стряпней. Чистила овощи, резала мясо — работа, которой нельзя заниматься безнаказанно. Трое охранников, спокойные, уверенные в себе, не слишком молодые. Они так и не расстались с оружием, хотя это противоречит всем законам и правилам, не говоря уж о почтении к богам. В самом деле, кто и когда садился за стол, держа за спиной меч в незавязанных ножнах? Разве

сейчас идет война? Разве они ждут, что в эту таверну в любое мгновение ворвутся враги, и начнется бойня? Бдительность, конечно, похвальна — но чтобы так... Нечистое дело. Однако, насколько мог понять хозяин, охранники просто выполняли распоряжение своего нанимателя. Интересно. И все интереснее и интереснее...

Двое важничающих юнцов. Слуги, нет сомнений. И господин их — знатная персона. Чем знатнее господин, тем выше задирает нос слуга.

В том, что господином является толстяк, сомнений не было с первой секунды. Но кто же он? Немолод. Никогда не испытывал лишений — иначе складки на его лице не лоснились бы, а отвисали. И эта непонятная, страшная тревога в глазах... Одно не сочетается с другим, вот что крепко не нравилось хозяину таверны.

Однако внешне он никак не показывал своего недоверия. Просто помешивал кашу в котле. Собравшиеся за столом переговаривались вполголоса: крестьяне испуганно шептались на краю стола, слуги перекидывались короткими замечаниями, вроде: «разумеется, в замке его светлости будут сделаны надлежащие распоряжения...» и «последняя остановка, а затем — прощай, убожество!». Охранники помалкивали. Потом один что-то сказал негромко, и все трое вооруженных людей рассмеялись.

Вошел конюх, потирая ухо. При виде его хозяин ухмыльнулся. Парнишка порасскажет о грубости трактирщика, это уж точно. Это отвадит прочих любопытствующих. Правда, может вызвать интерес у охранников или их господина, а это уже совсем лишнее.

Он снял котел и начал раскладывать готовое блюдо по тарелкам. Господину подал в отдельной, прочим — в одной миске на двоих, а то и троих. Посуды в «Колесе и шаре» тоже не хватало.

Пока гости насыщались, хозяин сидел и глядел в камин. Из разговоров он понял, что знатный путешественник — никто иной, как сам граф Леофрик. Это открытие его насторожило. Возвращение графа, пропавшего много лет назад по непонятной причине, не сулило одинокому трактирщику ничего хорошего. В замке, что простоял брошенным десяток лет, снова начнется жизнь, сюда будут ездить гости, потянутся торговцы — прощай, покой! Придется действительно бросить таверну и перебираться в более укромное место.

Но имелась еще одна причина для беспокойства. Трактирщик пережил на своем веку немало такого, о чем предпочитал не вспоминать. Многие из увиденного вызывало содрогание; немалое число его товарищей остались навсегда в далеких землях. Этот человек умел улавливать опасность при

первом ее приближении. И сейчас он впитывал знакомый запах всеми порами кожи. Какие тайны привез с собой граф Леофрик? Почему он бежал отсюда? Зачем вернулся?

От размышлений его отвлек стук копыт. Кто-то во весь опор подъезжал к таверне и уже издали кричал:

— Эй, хозяин! Эй, ты! Есть здесь кто-нибудь? Эй, ты меня слышишь?

Хозяин встал и направился к выходу. Всадник вертелся на лошади посреди двора и сердито ругался.

— Ну ты, неповоротливый, жадный лентяй! — начал он, завидев трактирщика, и вдруг замер. — Галлго! Это ты? Глазам не верю!

Трактирщик замер на месте, чувствуя, как немеют у него руки. У него всегда от волнения немели руки. Вот и случилось то, чего он всегда старался избежать.

— Конан, — выговорил он. — Ну да, это я.

— Вот уж не ожидал! — Всадник спрыгнул с коня и, широко шагая, обошел Галлго вокруг, словно тот был статуей, достойной самого тщательного осмотра. — Надо же, ты совсем не растолстел, — объявил Конан, завершив осмотр. — Чем ты здесь занимаешься?

— Вылавливаю одиноких путников и насильно кормлю их своей кашей, а потом смотрю, как они корчатся в судорогах, — угрюмо ответил Галлго. — Боги, как ты не вовремя!

— Брось, — легкомысленно отмахнулся Конан. — Когда это старые друзья приходят не вовремя?

— Когда в убогой таверне сидит граф Леофрик, пришибленный, но по-прежнему знатный и богатый, окруженный охранниками, слугами и отягощенный непонятно откуда взявшимися крестьянами. Когда этот граф Леофрик перепуган до смерти, хотя из последних сил старается этого не показывать. Когда твоему покою приходит конец, потому что с этим самым графом что-то случилось и он вернулся в старые владения, откуда бежал сломя голову десять лет назад. Вот когда, Конан, случаются ненужные визиты старых друзей.

— Убедил! — сказал Конан-киммериец, и его холодные синие глаза заблестели. Он расправил плечи и направился напрямик к таверне. Галлго загородил ему дорогу.

— Подожди, — проговорил трактирщик почти умоляюще. — Чего ты хочешь?

— Для начала, я голоден.

— И ты будешь есть мою кашу?

— Друг мой. — Конан улыбнулся. — Конечно, я буду есть твою кашу.

Помнишь, как в Куше, когда мы с тобой...

Лицо Галлго исказилось, рот съехал на сторону, маленькие глаза раскрылись широко, и из них глянул ужас.

— Умоляю тебя, прекрати! Я стараюсь забыть об этом...

— Да брось ты. Не такие уж страшные были эти каннибалы. Кроме того, их девчонки... а, я забыл: ты никогда не любил чернокожих. Тебе нравились смуглые.

— Ну да, — пробормотал Галлго. — Послушай меня, Конан, ради всего, что мы пережили вместе: не рассказывай графу обо мне. Я хочу спокойно дожить до старости. Я хочу, чтобы меня не трогали.

— Ладно, — сказал Конан. — Договорились. Теперь я могу войти?

— От тебя же не избавиться?

— Разумеется. Я никуда не уеду. К тому же они наверняка слышали, как я подъехал. Как ты думаешь, их насторожила наша долгая беседа?

— Может быть, и насторожила. Я скажу охранникам, что не хотел пускать постороннего, когда мой дом почтил своим визитом его светлость.

— Да, ты известный хитрец, — хохотнул Конан и вошел.

Галлго расседлал его коня и вернулся в таверну. За короткий срок Конан сумел расположить к себе всех трех бдительных охранников; что касается графа, то тот оценил богатырское сложение молодого варвара и ту легкость, с которой он двигался. Не распознать в Конане опытного воина было невозможно. Держался он уверенно и спокойно и вообще вызывал к себе полное доверие. Поэтому охранники, пошептавшись между собой, предложили ему занять место рядом с ними.

— С нами был еще четвертый, — пояснил самый старший из них, — но по дороге с ним случился несчастный случай. Мы привыкли сражаться четверками, поэтому нам его очень не хватает.

— А, — проворчал Конан. — А я привык сражаться один. И вдвоем. И втроем. И вчетвером. Вообще, мне все равно. А сколько вам платят?

— Пять золотых в день, — произнес Леофрик. Конан уронил ложку в миску с горячей кашей и присвистнул.

— Не может быть! Тебя, должно быть, преследуют огнедышащие великаны, почтенный, если ты готов выкладывать своим охранникам такие деньги!

— Может быть, и кое-что похуже, — печально произнес граф. — Это нам предстоит выяснить уже завтра. Если ты согласен разделить с нами опасность, я немедленно выдам тебе задаток, потому что — клянусь небом! — я боюсь, как никогда в жизни.

— Многим свойственно опасаться за свою шкуру, — философски заметил варвар. — В этом чувстве нет ничего особенного. Более того, почтенный, нет в нем и ничего постыдного.

— Если бы опасался просто за свою жизнь, — сказал Леофрик, — я платил бы своим людям куда меньше. Нет, опасность, которая нас ожидает, — иного свойства.

— Какого? — осведомился варвар, жуя. — Прости мои вопросы. Возможно, они тебе кажутся назойливыми, просто хочется заранее знать, к чему быть готовым. У меня есть меч, но если понадобится — раздобудем булаву... Твои люди меня поймут. Вот из лука я стреляю не слишком хорошо...

— Я и сам не знаю, что это за опасность, — ответил Леофрик,

— Воняет колдовством, — фыркнул Конан. — Ненавижу колдовство! Ненавижу колдунов! Всегда их убиваю, когда они встречаются мне на пути. И если ты колдун, почтенный, то нам с тобой лучше разойтись, потому что я не хочу убивать человека, который отнесся ко мне с полным доверием.

— Я больше не колдун, — сказал Леофрик, и эта фраза открыла и Конану, и его приятелю Галлго куда больше, чем мог предположить граф-изгнанник.

* * *

До заброшенного замка оставалось всего несколько миль, однако ничто не указывало на близость человеческого жилья: едва заметная тропинка почти вся заросла кустами и теми ползучими растениями с колючками, которые оплетают стволы и делают непроходимой любую дорогу. Тем не менее граф уверенно вел вперед свой небольшой отряд. То и дело приходилось останавливаться, вытаскивая телегу из ловушки, подготовленной природой: казалось, растения здесь прогневались на человека настолько, что изгоняли всякие следы его присутствия с яростью, достойной разумного существа.

Наконец впереди показались башни старого замка. Они выглядели старыми, замшелыми, но совершенно не зловещими. Обыкновенный старый замок, подумал Конан, который остановился вместе со всеми и прищурился, рассматривая родовую твердыню Леофрика. Развалина, однако вполне еще пригодная для жилья. Расчистить пару комнат, вытаскивать дохлых сов из каминных труб, набить истлевшие матрасы свежей соломой — и вполне можно провести здесь годик-другой, пока не

надоест.

Иного мнения был, казалось, сам граф-изгнанник. Он чуть привстал в седле и, неотрывно глядя на серые, заросшие плющом стены, сильно побледнел. На миг ему показалось, что из пустых черных окон на него смотрят горящие ненавистью глаза; затем все исчезло. Леофрик обмяк, опустил голову на гриву своей лошади. Мгновение слабости миновало — и он приказал трогаться дальше.

— Конец нашего пути близок, — сказал граф. — Прошу быть внимательными. Не отпускайте от себя детей. Никогда не знаешь, какие ядовитые змеи свили себе гнездо там, откуда ушел человек.

«Это точно», — подумал Конан, с насмешливым любопытством поглядывая на толстячка-графа. Тем не менее варвар не склонен был принимать его предостережения всерьез...

...до того мгновения, пока предупреждающий холодок не пробежал по его телу, заставив волосы на загривке чуть приподняться, как у дикого животного, почуявшего близкую опасность. Варваром руководил, скорее, инстинкт, чем какие-либо рациональные соображения. Он по-прежнему ничего подозрительного не замечал: просто старая грудка камней, где много лет подряд жили и умирали предки этого забавного пухлого человечка, который называет себя графом Леофриком. И все же Конан насторожился. Нет, мертвецов он не боялся. У киммерийца были давние и довольно фамильярные отношения со смертью. Он и сам нередко поставлял новых жильцов в царство мертвых.

Другое дело — темная магия, присутствие незримых злобных сил. Магию Конан не выносил, а магов предпочитал убивать, не задавая им лишних вопросов. И сейчас инстинкт дикого зверя, которому киммериец привык доверять, предупреждал о таящейся здесь иррациональной опасности.

Конан коснулся рукояти меча. Это его отчасти успокаивало. Большинство монстров, да и привидений не переносило прикосновения доброй стали, а Конан не без оснований считал себя мастером клинка. Как-нибудь справится. Он и сам не знал, для чего ввязался в эту историю... Может быть, от скуки. Может быть, рассчитывая пожить за счет Леофрика — обычно господа, которых что-либо пугает, бывают более чем щедры с телохранителями. Пять золотых в день — такие деньги на дороге не валяются.

— Вход в замок был завален камнями, — предупредил Леофрик. — Вряд ли кто-нибудь возвращался сюда и трудился над тем, чтобы освободить входы. Так что нам придется поработать.

Говоря «нам», он, естественно, не имел в виду собственную персону. Конан вместе с прочими телохранителями спешил и принялся разгребать завал. Большие камни были навалены здесь в беспорядке, и их оказалось довольно, чтобы оборвать любые контакты замка с внешним миром. Трудились почти до самого заката. Пока сильные мужчины поднимали и отбрасывали в сторону крупные булыжники и обломки скалы, крестьяне и женщины собирали хворост, чтобы сразу же растопить камины, а граф Леофрик беспокойно ходил вокруг замка, как бы пытаясь установить, не случилось ли здесь во время его отсутствия каких-либо тайных катастроф. Он то ощупывал стены, то приподнимался на цыпочки и старался заглянуть в окна, то прикладывал ухо к замшелой стене и вслушивался. Конан то и дело поглядывал в его сторону с нескрываемым насмешливым любопытством. «Я больше не колдун!» Надо же! А был когда-то? И чем же вы занимались, господин граф? Вызывали духов, общались с мертвыми, стремясь выведать тайны будущего? Для чего люди предаются таким глупым занятиям? Ради наживы? Стремясь испытать захватывающее ощущение власти над обстоятельствами, людьми и потусторонним миром? Конан не раз убеждался в том, что это ощущение власти было более чем иллюзорным. Рано или поздно на колдуна восставал тот самый потусторонний мир, которым несчастный болван думал повелевать, и те самые демоны, что побывали во власти смертного человека, освобождались и разрывали мага на части. А если этого и не происходило — что ж, всегда мог найтись такой же смертный человек, который пресекал путь «всемогущего мага» обыкновенным ударом меча. И нередко этим смертным человеком оказывался Конан-киммериец.

Но вот Леофрика убивать пока не хотелось. Скорее, этот человек вызывал у Конана симпатию. Если он когда-то и вызвал в мир темные силы, то сейчас нашел в себе достаточно мужества, чтобы вернуться и уничтожить последствия своих безответственных опытов.

Что ж, Конан охотно поможет ему в этом.

Но вот последний камень отвален, и перед усталыми путешественниками предстала распахнутая дверь. «Странно, — подумал Леофрик. — Помнится, я закрывал ее. А потом еще велел навалить камней — ради предосторожности. Помню, это называли перестраховкой. Да уж, какой смысл громоздить гору камней, если засов надежен и дверь прочна, а в замке нет живых людей. И все же кто-то пытался выбраться отсюда... Очень странно. Нужно быть настороже».

Вслух он этого, однако, не высказал, а просто запалил факел и первым вошел в темные недра замка.

Ничего особенного их внутри не ждало. Дрожащий свет факела выхватывал из темноты сырые стены и истлевшие гобелены, покрытые плесенью. На некоторых можно было видеть остатки картин: женщины в саду, фрукты в вазах или олени, пьющие воду из ручья. Но чаще разводы плесени рисовали собственные картины поверх прежних, создавая гротескные и иногда довольно жуткие сцены: среди причудливо разбросанных пятен выделялись искаженные в агонии лица, растопыренные пальцы, сведенные судорогой руки, изогнутые немыслимой дугой тела.

Неожиданно вскрикнул ребенок. Шествие сразу же остановилось. Мать попыталась закрыть малышу рот, чтобы тот не тревожил его светлостью, но было поздно: Леофрик услышал и сразу подошел поближе.

— Что случилось с маленьким? — спросил он, садясь на корточки.

Ребенок сердито высвободился из рук матери и ответил:

— Там кто-то есть.

— Где? — Леофрик обернулся, взгляделся в темноту, но ничего не увидел.

Ребенок показал подбородком на стену.

— Там, в стене.

— Не говори глупостей, Дакко, — зашептала мать, опасливо косясь по сторонам. — Ты морочишь голову его светлости, а ведь он так добр к нам.

— Я не морочу! — прошептал ребенок. — Стена раздвинулась, и оттуда выглянули глаза. Я видел.

Граф с облегчением вздохнул.

— Это просто пятна на гобеленах, — сказал он, поднимаясь и ероша волосы на голове ребенка. — Не пугайся, малыш.

— Нет, не пятна, — совсем тихо шепнул Дакко, но его уже никто не слушал.

Эти крестьяне жили на землях, принадлежащих графу Леофрику, — не здешних, а отдаленных. Проклятие, тяготеющее над замком и землей вокруг него, до тех деревень, похоже, не дотягивалось, и тамошние обитатели даже не подозревали об этом.

Когда во время пожара сгорело несколько домов и погибли почти все посева, Леофрик предложил семьям погорельцев переселиться вместе с ним на старые родовые земли своей семьи. Большинство предпочло оставаться на прежнем месте, восстанавливая то, что сохранилось после бедствия, а две семьи решились бросить пепелище и попытать счастья за лесом. Тем более, что граф был так добр и обещал им помощь, хотя бы на первых порах.

Леофрик и его спутники пересекли темный зал и начали подниматься по лестнице. Ступени казались скользкими, как будто покрытыми слизью — можно подумать, здесь десятками лет ползали улитки. Затем отчетливо стали видны следы давнего пожара.

Десять лет назад ненасытное пламя лизало эти стены, оно пожрало ковры и оставило пятна жирной копоти. «Странно, — подумал Конан, разглядывая стены, — выглядит так, словно кто-то пытался их стереть. И нет паутины. Обычно в таких местах полным-полно пауков».

Неожиданно он замер, потому что впереди ему послышался тихий дробный топоток, как будто пробежал кто-то легкий и маленький. Ребенок или женщина. Конан метнул взгляд на Леофрика — граф, похоже, не уловил этого звука. Да и остальные его спутники держались настороже, но не испугались. Неужели они не слышали? Конан поводит факелом вокруг себя, однако ничего не увидел.

А вот и дверь, за которой когда-то давно бушевал пожар. Она обгорела почти полностью, сквозь щели в досках когда-то прорывались оранжевые языки пламени. Ее захлопнули, пытаясь преградить огню путь, и залили водой. С тех пор прошли годы. И все же неприятный кисловатый запах остался.

Граф поскорее миновал эту дверь. Осмотрели несколько комнат наверху, но все они оказались непригодными для жилья, и в конце концов путешественники спустились вниз, в большой зал, где решено было устраиваться на ночь. Разложили огонь в большом камине, нашли котел и вымыли его. Затем один из крестьян отправился за водой, а женщины достали припасы и вручили их стряпухе.

Все это время маленький Дакко держался поближе к Конану и помалкивал, только вертел головой во все стороны и сжимался при малейшем резком звуке.

Пользуясь тем, что на них никто не обращает внимания, Конан заговорил с малышом.

— Расскажи мне подробнее, что тебя напугало, — попросил варвар.

Ребенок сказал:

— Там были глаза.

— В стене?

— Да.

Конан задумался. Насколько он знал, дети бывают предельно конкретны в том, в чем они уверены. Если бы мальчик сочинял, то наплел бы разных невероятных описаний. Он не сочинял. И глаза там действительно были.

Поразмыслив немного, Конан спросил:
— А легкие шаги — их ты не слышал?
— Да, — сказал мальчик тихо. — Там ходили.
— Наверху?
— Да.
— Почему ты не сказал об этом?
— Мне бы не поверили.
— Я тоже их слышал, — сказал Конан.
— Мне страшно, — прошептал мальчик.
— Не только тебе, — успокоил его Конан. — Но ты не бойся. Мы выберемся отсюда. Сдается мне, напрасно граф затеял эту историю с возвращением.
— Может быть, он хочет их убить, — предположил мальчик.
— Боюсь, это непросто, — хмыкнул Конан.
— Вы ему поможете, — сказал ребенок. — Ведь вы поможете ему?
— Да, — кивнул варвар.
И тут их позвали ужинать.

* * *

Ночь прошла спокойно, только под утро одному из охранников показалось, — что кто-то прикасается к его лицу ледяными руками. Прикосновение было нежным, почти невесомым, словно его ласкала какая-то женщина. Открыв глаза, он мгновение видел перед собой полупрозрачную тень, которая тотчас растворилась в утреннем сумраке. Он решил, что это ему приснилось, и потому никому не стал рассказывать. Подобные сновидения, полагал наемник, не к лицу взрослому мужчине, который умеет держать свои чувства в узде и вполне владеет собственным воображением.

Он выбросил призрак из своих мыслей сразу и так решительно, что не вспомнил о нем даже тогда, когда из кухни донесся отчаянный вопль стряпухи:

— Кровь! Кровь!

От этого крика сразу пробудились остальные. Первым бросился на кухню граф Леофрик. Он не стал тратить времени на одевание — просто набросил на плечи старое одеяло и побежал босиком по холодным каменным плитам. Вернулся он вместе со стряпухой. Оба были одинаково бледны, и губы их дрожали. Женщина всхлипывала.

— Везде... везде кровь, — бормотала она. — Мой чистый стол, я сама его вчера отмыла... Пол, стены — все забрызгано... Такая свежая, алая... Откуда бы ей взяться? Откуда? Кто мог сделать это?

Граф Леофрик молчал. Все обступили его и женщину, однако вопросов пока что не задавали. Одна из крестьянок, мать маленького Дакко, протянула перепуганной стряпухе чашку с водой.

— Выпей, почтенная госпожа Танет, — проговорила она ласково, как будто разговаривала с прихворнувшим ребенком.

Стряпуха послушно поднесла чашку к губам, сделала несколько глотков и поперхнулась. Конан пристально посмотрел в глаза графу Леофрику и, сумев поймать его взгляд, содрогнулся: женщина ничуть не преувеличивала. На кухне действительно произошло нечто страшное. И граф это видел.

— Давайте заглянем и посмотрим, что там, в конце концов, делается, — предложил один из охранников, молчаливый наемник из Немедии по имени Аллек. — Кто со мной?

Вызвался его товарищ Элваэл, а третьим, не сказав ни слова, пошел Конан. Варварское чутье подсказывало ему, что в замке творится неладное, и чем больше он будет знать о происходящем, тем лучше.

Стряпуха — госпожа Танет, как назвала ее крестьянка, — глядела вслед уходящим с ужасом и тихо всхлипывала.

Кухня не блистала чистотой — за тот час с небольшим, что Танет провела здесь вчера, конечно, невозможно было привести ее в идеальное состояние. Но вот никакой крови ни на полу, ни на столе, ни на стенах охранники графа не увидели. Обыкновенная засаленная и покрытая пылью комната со старым очагом, где скопилось много копоти. Обыкновенный дубовый стол, старый и во многих местах поцарапанный ножом.

Крови не было. Старое пятно, оставшееся с незапамятных времен на полу, когда здесь зарезали курицу и плохо отмыли следы, — не в счет. Танет говорила о свежей крови.

— Этой дуре везде мерещится, — проворчал Элваэл. — Слушать баб — только позорить себя. Помните, как вечером ей что-то там послышалось?

Конан насторожил уши. Ему об этом ничего не было известно.

— Послышалось? — удивился и Аллек.

Элваэл чуть смутился.

— Ну, когда мы легли спать, — пояснил он нехотя. — Она лежала рядом.

Несмотря на жутковатую обстановку и невеселые обстоятельства,

Аллек громко захохотал.

— Рядом? — переспросил он сквозь смех. — Ну хорошо, назовем это «рядом».

— Называй как хочешь, — обиделся Элваэл. — Словом, Танет была со мной. И вот я засыпаю, а она вдруг как толкнет меня в бок! Я было решил, что ей показалось мало — ну, всего, что между нами было, — и говорю: «Отстань от меня, неугомонная! Дай поспать!» Хотя про себя еще подумал: лестно, мол, такой горячей женщине глянуть. А она отвечает: «У тебя, я погляжу, только одно на уме». Тут я, честно сказать, обиделся на нее. И проснулся, хотя уже дремал. Я почему это рассказываю с подробностями — чтобы вы поняли, ребята, что мне ничего не приснилось. Она говорит: «Слышишь?» Я прислушался. Ничего. Полная тишина, если не считать, конечно, общего храпа. Я ей так и сказал. А она: «Нет, ты прислушайся как следует». Я опять прислушался. И опять — ничего. А она: «Там, наверху, кто-то смеется».

— А ты что сделал? — спросил Аллек.

— Да ничего. Назвал ее дурой и заснул. Очень уж обидела она меня.

— Ясно, — пробормотал Аллек. — Надо бы с госпожой Танет потолковать. Сдается мне, не такая она дура. Что-то ей явно виделось и слышалось.

— Одной ей, значит, и видится, и слышится, а прочие — и глухие, и слепые! — рассердился Элваэл. — Особенная она, что ли?

— Да нет, просто более чуткая. Есть же люди, которые стреляют из лука более метко, чем остальные, — объяснил Аллек. — Это, брат, называется талант. Талант. Не всякому дано, понял?

Элваэл плюнул и вышел из кухни. Конан поднял голову и встретился глазами с Аллеком.

— А ты что считаешь, киммериец? — спросил Аллек.

— Думаю, женщина действительно что-то видела. Может быть, даже и кровь.

— Она нервная, — задумчиво проговорил Аллек. — Они с Элваэлом иногда так ругаются, что даже страшно становится. Хотя знакомы недавно и, вроде бы, надоест друг другу не должны. Но вот сидит у нее какая-то заноза в печени, и толкает на разные выходки. Вздорная, словом, бабенка.

— Госпожа Танет, возможно, и вздорная, — спокойным тоном произнес Конан. — Но вот как быть с его светлостью графом Леофриком? Ты видел его лицо? Он заходил сюда вместе с нею и тоже видел что-то странное. Нечто такое, что его напугало. А граф, сдается мне, не трусливого десятка.

— Это ты, брат, правильно рассудил, — признал Аллек. — Граф хоть и выглядит забавным толстячком, а на самом деле — человек железный. Во время путешествия ни разу не пожаловался, а ведь он, знаешь, избалованный и не очень здоровый человек. Привык жить в роскоши, а вот гляди ты: ехал верхом, и в дождь, и в ветер; на постоянных дворах первым делом заботился о лошадях, потом — о слугах и только после этого — о собственном удобстве... Да и прочее. Ты приглядишься к нему повнимательнее, когда будет случай, сам поймешь.

— Вижу, граф тебе нравится.

— А тебе не нравится хозяин, который платит по пять золотых в день? — резонно возразил наемник.

— Это другое, — отозвался Конан и задумался. — Если такой человек, как Леофрик, напуган, значит, дело серьезное, — проговорил он наконец. — Надо бы потолковать с Танет по душам.

— Нет ничего проще, — фыркнул Аллек. — Я начну ругать Элваэла — мол, глуповат, хоть и доблестный воин — все такое. Она тотчас вцепится и начнет приводить примеры его глупости. Тут только успевай задавать вопросы.

— Ко всякой женщине нужен свой подход, — философски заметил киммериец, который и сам слыл большим знатоком и ценителем слабого пола.

Они с Аллеком рассмеялись и покинули кухню.

* * *

Никакой «подход» не помог — Танет была перепугана насмерть и отказывалась обсуждать увиденное. Только качала головой и отворачивалась, а после и вовсе стала убегать, едва видела, что к ней приближаются.

Конан почти сразу понял, что разговаривать с ней бесполезно, и обратился к Леофрику.

Тот был серьезен и сразу сказал:

— Кровь была. Думаю, настоящая.

— Но ведь она почти сразу исчезла! — возразил Конан.

В глазах Леофрика явственно читалась глубокая печаль.

— Тот враг, от которого ты и твои товарищи Должны защитить всех нас, способен и не на такое...

Во время завтрака Конан обратил внимание на то, что отсутствует одна

из крестьянских женщин. Поначалу его насторожило это обстоятельство, но чуть позднее он ее увидел — она сидела возле очага, отстраненная и как будто немного смущенная, но вполне целая и невредимая. Это его успокоило.

Ближе к полудню солнце кое-как пробилось в узкие окна старого замка и стало не так страшно и мрачно, как было вечером. Решили снова осмотреть комнаты — пора было начинать обустраивать настоящее жилье.

— Конечно, неплохо бы повесить везде новые гобелены, купить хорошие столы и скамьи, привезти из города посуду, — сказал Леофрик своим охранникам. — Однако буду с вами честен. У меня нет денег на эту роскошь. Все, что у меня есть, уходит на оплату вашего труда. Поверьте, оно того стоит. Как видите, я откровенен. Теперь ступайте и очистите комнаты. Из них нужно вынести все. Когда я поднимусь наверх, там должны быть только голые стены.

Охранники переглянулись. Не так они представляли себе свою работу. Одно дело — отражать врагов, которые вздумают покушаться на жизнь их нанимателя; совсем другое — заниматься уборкой, разгребая старую истлевшую рухлядь. В то же время пять золотых... И у графа вполне серьезный вид. Он мог бы нанять десяток уборщиков за сумму вдесятеро меньшую.

— По-моему, у него не в порядке с головой, — поделился сомнениями Элваэл, когда они поднимались по лестнице на второй этаж.

Четвертый охранник, молодой парень па имени Ловес, промолчал. Он предпочитал не обсуждать ни графа, ни обстоятельства, в которых они все находились. Боялся сказать что-нибудь не то. Однажды он уже распустил язык. Следствием стала драка, в которой Ловес убил знатного юношу, после чего ему пришлось бежать. Он скитался уже несколько лет и с тех пор, как под покровом ночи оставил родной дом, ни разу не был у себя, в Коринфии. Чужбина вызывала у него отвращение, он тосковал и мечтал только об одном: накопить побольше денег и вернуться. Под личиной богача средних лет, чужестранца (придется изменить имя — об этом Ловес думал с отвращением) он останется неузнанным и проживет остаток жизни на родине, наслаждаясь любимой природой и звуками родного языка.

Но пока что до осуществления этой мечты было очень далеко. Впрочем, если граф и дальше будет держать свое обещание — а Леофрик до сих пор платил своим охранникам регулярно — то сладкий миг существенно приблизится. Нужно только ни с кем не поссориться и выполнять свой долг очень осторожно, чтобы остаться в живых.

В первой комнате ничего интересного они не увидели. Сундук,

стоявший возле стены, был набит разложившимися тряпками. Когда-то, судя по всему, это было девичье приданое. Остатки белого шелка расползались под пальцами. Несколько жемчужин блеснули среди хлама, но Конан и Аллек решительно воспротивились попыткам своих товарищей завладеть драгоценностями.

— Граф сказал, чтобы мы выбросили отсюда все, — напомнил Аллек. — Так мы и поступим. Возможно, в этих камешках кроется какая-то опасность.

— Какая опасность может таиться в белых катышках? — осведомился Элваэл, фыркая. — Это просто жемчуг, дружище! Жемчуг и. ничего больше. И если продать его в городе, то можно выручить неплохие деньги. Так что ты можешь слушаться своего графа, а лично я...

И он потянулся к жемчужинам.

Конан ударил его по руке.

— Тебе же сказали: ничего здесь не трогать! Выбросить из комнат все!

— Кто ты такой, чтобы мне приказывать? — разозлился Элваэл. — Ты такой же охранник, как и я! Точнее, хуже — ведь ты нанялся всего пару дней назад, а я с господином графом уже почти месяц. И всегда он был мною доволен. И вот появляешься ты, умник, и начинаешь мне приказывать.

— Тебе приказываю не я, — спокойно возразил Конан. — Я просто напоминаю, каково было истинное распоряжение графа.

— А я тебе говорю, что граф — милостивый и щедрый господин, и он не будет против, если его бедные охранники немного поживятся за счет старой рухляди, о которой он давно забыл.

С этими словами Элваэл решительно сунул несколько жемчужин в поясной кошель, после чего посмотрел на своих товарищей с вызовом.

— Оставь его, — сказал Аллек Конану. — Он всегда был упрям и с придурью.

— Это ты с придурью, — огрызнулся Элваэл. — Потому что ты мне завидуешь.

Аллек только пожал плечами.

Они разломали сундук и выбросили его в окно. Сняли со стены гобелен, свернули его в рулон и тоже выкинули вниз. Он полетел, как птица, на лету разворачивая крылья. Конану, который смотрел из окна, показалось, что гобелен несколько раз взмахнул ветхими крыльями-углами, прежде чем, сделав последний круг над землей, опуститься рядом с обломками сундука. И еще ему послышался тихий, самодовольный смешок, но когда он обернулся, все его товарищи стояли с напряженными,

немного сердитыми лицами, как всегда бывает после ссоры.

— Ну что, — сказал Аллек, — кажется, больше нам здесь делать нечего. Пришлем сюда женщин, чтобы вымыли стены и пол.

— Я схожу, — вызвался Ловес, но Элваэл оттеснил его плечом от выхода.

— Отлыниваешь от работы, юнец? Я сам позову сюда женщин, а ты ступай с Аллеком в другую комнату и потрудись-ка там. Понял?

Ловес кивнул. Он не хотел ввязываться в новую ссору. А Элваэл, раздраженный недавней перепалкой, искал повода придраться.

— И чтоб без глупостей! Если найдете опять какой-нибудь жемчуг, не вздумайте поделить его без меня! Я все равно узнаю и очень сильно обижусь. К тебе, юнец, это относится в первую очередь.

И он побежал вниз по лестнице.

Товарищи проводили его глазами.

— Что это с ним? — спросил Конан у Аллека. Тот покачал головой.

— Не знаю. Он всегда был задиристый. Ходок по женщинам. Немного жадный. Но ничего особенного. Ничего такого, за что следовало бы его вздуть или бросить на большой, пустынной дороге. А сейчас он как с цепи сорвался. Честно тебе скажу, киммериец, я его просто не узнаю.

Конан поднял брови.

Аллек задумчиво добавил:

— Да и жемчуг, между нами говоря, не слишком дорогой. Не настолько он хорош, этот жемчуг, чтобы так на него бросаться, да еще ссориться с нами.

— Вот и я так думаю, — кивнул варвар. — Не нравится мне все это.

Они подошли к соседней комнате. Именно здесь десять лет назад начался тот самый роковой пожар, который уничтожил замок и сделал его непригодным для жилья. Возле двери Конан вдруг почувствовал, как знакомый холодок шевелит волосы у него на затылке.

— Если в этом замке и живет какая-то дрянь, прошептал он, обращаясь к своим спутникам, то она свила себе гнездо здесь.

— О чем ты? — удивился Аллек.

— О том, что в этом замке, возможно, обитает какая-то дрянь, — повторил варвар. — Я их кожей чувствую. Ненавижу магию!

— Магию?

— Скажи, как, по-твоему, была кровь там, в кухне? — требовательно спросил Конан.

— Не знаю... — замялся Аллек. — Я не склонен верить

впечатлительным людям. Да и волшебство встречается не на каждом шагу.

— А я верю, — сказал Ловес. И, смутившись, добавил: — Несколько лет назад я видел, как маг испепелил человека. Просто направил на него палец — и человек вспыхнул, как факел, сразу! Он даже не закричал. Секунду назад был живой, даже что-то ел, по-моему, а потом — только кучка пепла.

— Что за маг? — заинтересовался Конан.

Ловес смутился еще больше, побледнел и честно признался:

— Не знаю. Я сразу убежал оттуда.

Он опустил голову. Конан хлопнул его по плечу.

— И правильно сделал. Если чувствуешь, что не в силах сразу убить мага — уходи. Твоя жизнь тебе еще пригодится. И все же мы изведем это отродье, кем бы оно ни было.

Он навалился плечом на дверь и отворил ее.

Навстречу понеслась вонь. Застоявшийся воздух нес запах горелого. Но было еще что-то. Горелая человеческая плоть и какие-то вещества, которые применяются магами для создания особенных чар. Станным показалось только то, что эти запахи были свежими, как будто здесь всего час назад опрокинули колбу.

В комнате было навалено множество вещей. Посреди стоял стол. Во время пожара он сильно пострадал, но все же сохранился.

— Это каменное дерево, — сказал Ловес. — Такое почти невозможно разрушить.

— Как же из него делают мебель? — удивился Аллек.

— Его срубают, когда оно еще молодое, — объяснил Ловес. Он чуть покраснел и добавил, глядя на Конана: — Мне об этом рассказывали.

— Кто? Краснодеревщики?

— Нет... Не совсем. В общем, да. Мастера.

— Просто взяли и рассказали?

— Я спросил... Никогда не знаешь, что может тебе пригодиться, — сказал Ловес.

— Пусть говорит дальше! — перебил Аллек. — Любознательный и умный парнишка. Очень хочет жить — и жить хорошо. Достойное желание.

— Для кого как, — проворчал Конан. — Я хочу когда-нибудь стать королем.

— Королю тоже не помешает знать про каменные деревья, — примирительно произнес Аллек. — Пусть рассказывает!

— Эти деревья срубают, когда они достигают в ширину двух обхватов.

Потом уже ни один топор их не возьмет. Да и то такая работа занимает не один день. Затем их погружают в специальный раствор, который немного размягчает древесину, — продолжал Ловес, краснея все больше и больше. Он не привык к тому, чтобы его слушали. — После того, как работа закончена — а у мастера есть всего два дня — древесина начинает затвердевать. Она выделяет особую смолу, которая сплавляет все волокна намертво. Через год такая мебель становится тяжелой, как каменная, и практически не разрушается. Древоточцы в ней не живут, плесень ее не берет. И, в отличие от каменной, она не разбивается.

Устав от длинного монолога, он перевел дыхание и замолчал.

— Очень интересно, — проворчал Конан.

— Да, это интересно, — задумчиво произнес Аллек. — Это означает, что наша задача усложняется. Такой стол не разломаешь на куски и не выбросишь в окно. Придется тащить его на руках вниз по лестнице. А он наверняка тяжелый.

Ловес безмолвно кивнул, подтверждая это предположение.

— Ладно, — решил Аллек, — сначала избавимся от прочего барахла.

А «барахла» в комнате было навалом. Колбы и реторты, почерневшие от огня и полопавшиеся, треснувшие и разбитые чашки и кувшины, запечатанные сосуды с отвалившимся доньшком лежали повсюду. Осколки стекла и глиняные, черепки хрустели под ногами. Несколько обгоревших манускриптов из телячьей кожи валялись на полу. Их страницы почернели и слиплись, буквы расплылись и исчезли за жирным слоем копоти. И все же в углу одной страницы Конан разглядел рисунок, обвивающий заглавную букву — инициал: странное чудовище с человеческими глазами держало букву обеими руками, тонкими лапками с длинными острыми когтями, и вонзало в нее зубы. Пасть чудовища была широко раскрыта, и в ней виднелся шевелящийся влажный язык. А глаза глядели печально, со звериной тоской и пониманием каких-то странных, древних тайн, сокрытых от ограниченного человеческого разума. Конан не умел читать и не мог разобрать, что это за буква, которую пожирает чудовище, однако его привлек сам рисунок. Была в нем странная, завораживающая прелесть. И вот, пока варвар прикидывал, существуют ли такие чудовища в действительности и как ловчее можно было бы с ними совладать в битве один на один, рисунок как будто ожил. В нарисованных глазах загорелся огонек, челюсти чуть сжались на стволе буквы.

— Что за глупости! — Конан выронил книгу. Аллек быстро обернулся к нему.

— Что ты там увидел?

— Ничего, — проворчал варвар, стыдясь собственной впечатлительности. — Проклятая книга. Наверняка содержит заклинания черной магии. Может быть, стоило бы ее сжечь?

— Нам было велено все выбросить. Выбросить, а не уничтожить, — напомнил Аллек. — Господин граф сам разберется, что к чему. Может быть, сжигать такие книги опасно. Откуда мы знаем?

— Пожар тут и без нас потрудился, — добавил Ловес. Ему нравились книги и жаль было их бросать в печку.

Кроме полусгоревших книг и разбитой посуды, в комнате имелись кресло с ножками в виде лап фантастического чудовища и несколько светильников — висячих ламп и канделябров, сделанных в том же стиле. Когтистые лапы держали подставки для свечей или сжимали кольцо, в котором качалась лампа. Все эти вещи были закопчены, но Конан поскреб ногтем и увидел, что они бронзовые.

— Красиво, — оценил он. — И дорого стоит.

— Хватит! — рассердился Аллек. — Сперва Элваэл набивает карманы жемчугом, потом Ловес начинает интересоваться книгами, а теперь тебе нравятся светильники.

— Когда все закончится, я, может быть, прихватил бы парочку, — согласился Конан. — В счет оплаты. Видишь, какой я честный.

Аллек покосился на него с недоверием.

— Что-то мне подсказывает, киммериец, что ты надо мной смеешься.

Конан захохотал.

— Может быть, и так! Но это все потому, что ты мне нравишься. А вот эта комната мне совершенно не по нраву. Давай тут все разберем поскорее.

Он поднял книгу и выбросил ее в окно. На этот раз он не следил за ее падением и потому не видел, как чудовище с печальными глазами вырвало букву из страницы, высвободилось само и с тихим криком вылетело прочь. Голубое небо подхватило его, и мгновенно крылатое существо скрылось среди облаков. Только птицы, всполошившиеся было на соседних деревьях, выдали его, но они скоро успокоились.

Вернулся Элваэл. Он не смотрел ни на кого из товарищей. Прислонился к стене, глядя в окно.

— Помоги собрать осколки, — обратился к нему Аллек как ни в чем не бывало. — Привел женщину?

— Да. Это Петрейда.

— Петрейда?

— Крестьянка. Сестра матери Дакко, — пояснил Элваэл.

— Смотри ты, уже с Петрейдой знакомство свел, — пробормотал

Аллек. — Ты времени не теряешь...

— В отличие от тебя, братец, — отрезал Элваэл, принимаясь за работу.

— Это не та ли женщина, которой не было во время завтрака? — спросил Ловес.

— Может быть, — ответил Элваэл. — Тебе-то что?

— Не знаю, — смешался Ловес. — Просто спросил.

Конан вдруг задумался. Почему Элваэл выбрал именно ее? Все утро она вела себя странно. Да и Элваэл держится не вполне привычным образом. Хотя, возможно, все можно отнести на счет непривычной обстановки. Граф Леофрик явно знает больше, чем говорит. И он напуган. Соответственно, напуганы и его спутники. При этом каждый старается не показывать своего страха и справляется с этим в одиночку, кто как умеет. В принципе, ничего странного не происходит. И все же, если вдуматься...

Они собрали осколки, сняли со стены ковер и, завернув в него мусор, завязали узлом. Затем снимали лампы и свалили в углу вместе с канделябрами. Со столом пришлось повозиться. Как и говорил Ловес, эта мебель оказалась тяжелее каменной. Мышцы на руках и ногах Конана вздулись, когда он подталкивал стол к двери, а затем выволакивал на лестницу. Прочие помогали ему, как могли. Прошло не менее получаса, прежде чем стол оказался там же, где остальные предметы из сгоревшей лаборатории.

— Нужно передохнуть, — сказал Аллек, валясь на траву под стеной башни. — Попросим Танет, чтобы принесла нам питья.

— Я бы перекусил, — заметил Конан.

Сказано — сделано. Некоторое время они просто лежали на траве без сил, а стряпуха с заплаканным лицом носила им еду и питье в кувшине. Ее ни о чем не спрашивали, но все-таки она произнесла в пространство:

— А тем, кто считает меня дурой, я бы сказала: пусть они и близко ко мне теперь не подходят!

Элваэл тоже проговорил, как бы про себя:

— Если кто-то не хочет меня видеть, то пусть не видит. Женщин на свете много.

Танет заплакала и убежала.

— Напрасно ты ее обижаешь, — сказал Конан, уплетая лепешки с медом. — По-моему, очень хорошая женщина.

— Ничего, ей полезно, — отмахнулся Элваэл. — Петрейда — тоже хорошая.

— Кстати! — спохватился Аллек. — Мы оставили ее наверху.

— Ну и что?

— Интересно, как она там справляется?

— А что там справляться? — хмыкнул Элваэл. — Обыкновенная женская работа. Помыть стены и пол. Знай себе вози тряпкой.

— Странно, — пробормотал Аллек. — Мне показалось, что ее там нет. Он приподнялся и крикнул, обращаясь к окнам на втором этаже:

— Эй, Петрейда! Петрейда!

Ему никто не ответил..

— Она не слышит, — сказал Элваэл. — Говорю тебе, когда я ей велел подняться, она взяла воду в бадье и тряпку и пошла за мной. Я сам привел ее в комнату. Она там.

Конан запил лепешку глотком свежей воды и встал на ноги.

— Загляну-ка я к ней, — сказал он. — Что-то вы на меня нагнали страху.

Услышав это от огромного мускулистого варвара, его товарищи громко рассмеялись. Да и сам Конан не скрывал ухмылки.

Несколькими прыжками он одолел ступеньки и подошел к комнате, которую они очистили.

За дверью было очень тихо.

— Петрейда! — позвал Конан. — Ты здесь?

Ответа не было.

Он толкнул дверь и замер на пороге. Все комната, от стен до потолка, была забрызгана свежей кровью. Кровь медленно стекала с окна, ползла по полу, как живая, норовя тонкой струйкой обвить ноги варвара.

— Кром! — взревел Конан, отдергивая ногу. — Что за проклятье! Петрейда! Где ты, а? Куда ты спряталась? Что за шутки?

Мертвое молчание было ему ответом. Конан вдруг почувствовал, что это не просто тишина. В этой комнате не раздавалось вообще никаких звуков. Не слышно было голосов снизу, из окна не доносилось птичьего пения, хотя день был в разгаре и птицы всюду щебетали на деревьях.

Конан повернулся и выбежал вон.

— Ну, как там дела? — спросил Аллек.

— Не поверишь! — Конан перевел дыхание. — Я тоже видел это.

— Что ты видел?

— Кровь!

— По-твоему, Танет ничего не напутала? И графу не показалось?

— Вот именно. Можешь считать меня варваром, если тебе не дорога жизнь, можешь думать, что это суеверия, присущие моему народу, — хотя моему народу не присущи суеверия! Это вы, цивилизованные люди, на каждом шагу плюете и скрещиваете пальцы, а у нас есть наш бог Кром, к

которому отправляется всякий уважающий себя воин, если он погиб с оружием в руках...

— Я понял, — спокойно сказал Аллек. — Итак, что же ты увидел?

— Кровь! Говорю тебе, вся комната была залита кровью. И там стояла тишина. Ни одного звука. Ни голосов, ни шагов, ничего. Даже мой голос там тонул, растворялся, как порошок в уксусе...

— Погоди, — перебил Ловес. — А где же Петрейда?

— Не знаю. Ее там не было. Аллек решительно поднялся.

— Идем. Нужно сообщить об этом графу.

* * *

Поговорить с графом им удалось далеко не сразу. Сначала он был занят — бродил возле груды выброшенных из замка вещей и рассматривал их. Кое-что сразу приговорил к сожжению — к удивлению любопытного Дакко, который ходил за графом, как тень, среди предметов, признанных «опасными», оказалось два заляпанных алхимическими реактивами ковра и совсем простая, сильно закопченная реторта. Другие вещи он приказал закопать. Как и предвидел Элваэл, о жемчуге, который находился среди истлевшего приданого, граф Леофрик даже не вспомнил. Просто перерыл тряпки и бросил их обратно в сундук.

Дакко с интересом наблюдал за Леофриком. Это был мальчик лет десяти, худенький, с пытливым взглядом и копной пшеничных волос. Он не походил на свою мать и мало походил на отца. Леофрику нравился этот ребенок. Он предполагал, что в ближайшее время ему трудно будет найти себе слуг. Разговоры о том, что происходило и до сих пор иногда происходит в брошенном замке, отвадили отсюда всех жителей близлежащих деревень. Вряд ли кто-нибудь из них, будучи в здравом уме, согласится жить в замке и прислуживать графу. Стряпуха Танет теперь тоже не в себе. Все время или плачет, или ругается. А у ворчливых женщин, это граф знал по опыту, и стряпня невкусная. Будет жаль, если у Танет испортится характер. Остается только надеяться, что это не навсегда.

Крестьян, которые согласились переселиться с графом в его старое родовое имение, Леофрик думал пристроить к делу. Ему не хотелось выделять им земли. Да и что будут делать две семьи среди общего безлюдья? Удастся ли им вообще вырастить хоть какой-то урожай? Нет уж, лучше пусть помогают в замке. Когда-нибудь былое величие вернется в эту древнюю твердыню...

А из Дакко, возможно, вырастет воин. Об этом можно будет позаботиться.

Потом. Обо всем этом он позаботится потом. Сейчас неотложное дело одно: избавиться от всех последствий давней катастрофы.

Леофрик поднял обгоревший том. Он вздрогнул, потому что узнал книгу. Она содержала заклинания, к которым он прибегал, когда принялся за завершающую стадию своих опытов. Лучше бы ему никогда ее не видеть.

Он и не видел ее до определенного момента. Не исключено, что все эти годы она находилась в замке и ждала своего часа, не попадаясь на глаза. Не исключено. И все же... В ее появлении в столь удачный момент — ни раньше, ни позже, ровно в тот миг, когда в ней возникла нужда — заключалось что-то зловещее. Как будто у книги имелся невидимый покровитель, который умело подкладывал ее любому, кто начинал искать тех самых знаний, что были погребены в ее недрах.

Итак, алхимик дошел до определенного пункта своих исследований. И тут появилась книга. Древние лемурийские заклинания. Такие древние, что даже стигийские маги не могли бы отыскать их среди своих фолиантов. Этими формулами пользовались могущественные заклинатели Лемурии, которая впоследствии ушла под воду и навсегда скрылась под беспокойными водами океана. Язык, на котором давным-давно никто не разговаривает. Звуки чуждой человеческому уху речи впервые зазвучали под сводами родовой твердыни Леофрика — спустя тысячелетия после гибели Лемурии и Атлантиды!

Поначалу ничего не происходило. А потом...

Леофрик зажмурился, отгоняя воспоминания. И тут он снова посмотрел на страницу. Кое-что насторожило его. Он узнавал и книгу, и текст, написанный в ней. Читать, разбирая слово за словом, он не решался, чтобы не разбудить ненароком вновь темных сил, которые дремали в недрах фолианта. Но... Но здесь начало главы! Здесь должен быть инициал. Леофрик даже припоминал, какой именно: древний зверь, терзающий клыками букву. Начертания буквы были фантастическими для взора современного бри-тунца. И все же Леофрик знал, что она читается как «А». Первая буква любого человеческого алфавита. Но не лемурийского. В их странном языке это была тринадцатая буква, роковая. «Лишняя», как ее называли. Она открывала последнюю главу, где описывалась завершающая фаза Великого Делания.

Ни буквы, ни чудовища. Но ведь они не сгорели. Страница в этом углу была почти чистой. Они испарились.

Леофрик повертел книгу перед глазами, плюнул несколько раз.

— Не могли же они улететь? — пробормотал он, обращаясь к самому себе, и тут же услышал за спиной явственное хихикание. Смеялся странно знакомый голос, молодой и высокий. Прежде чем обернуться, Леофрик помедлил. Голос казался ему знакомым... точнее сказать, этот голос был полузабытым, как будто выплывшим из далекого прошлого...

Наконец граф собрался с мужеством и повернулся.

За спиной у него никого не было.

А потом, ступая бесшумно, появился Конан. При виде его Леофрик ощутил облегчение. Рослый варвар был таким материальным, таким плотским, что невольно успокаивал. Хотя многие люди, завидев эту внушительную фигуру, обычно дополняемую мечом, булавой или секирой, начинали испытывать подсознательное (а иногда и вполне осознанное) беспокойство. Однако Леофрика страшила вовсе не физическая мощь.

— Слушаю тебя, — сказал граф, видя, что киммериец хочет с ним заговорить.

— Я видел кровь, — брякнул тот без предисловий. — Точно так же, как госпожа Танет. Вошел в комнату — а там стены, потолок и пол в крови. Сверху капает, по стенам сползает. В глазах красно. А потом все исчезло.

— Зачем ты заходил туда, где видел кровь? — спросил граф. Он заметно побледнел.

— Мы отправили туда женщину, чтобы она завершила уборку. А потом Аллек сказал: «что-то давно мы ее не видели». Я вызвался заглянуть и посмотреть, чем она занимается так долго.

— Логично, — пробормотал граф. — Рассказывай дальше.

— Я уже все рассказал, — буркнул Конан. — Ее не было, и все в крови. А спустя короткое время кровь исчезла, как не бывало. Мне, естественно, тоже не верят, но я-то знаю, что именно я видел. Меня не собьешь!

— Это верно. Успокойся, друг мой, я тебе верю. Ведь я видел то же самое — там, на кухне. А что это была за женщина?

— Какая женщина?

— Та, которая исчезла из комнаты.

— А, эта... Петрейда. Та самая крестьянка, которой не было во время завтрака. Странная она. Хотя, если подумать, ничего странного. У нее есть приятель?

— Приятель? — Граф рассеянно посмотрел на Конана. — Какой приятель? Какое мне дело до приятеля какой-то крестьянки?

— Да нет, я подумал... если у нее есть дружок, то она, может быть,

была с ним, и загадки никакой нет.

Леофрик вдруг напрягся и с этой секунды слушал очень внимательно.

— Но у нее нет никакого дружка, верно?

— Полагаю, нет.

— И ее не было во время завтрака. А потом она появилась... И как она держалась?

— Странно. Обычно она терлась возле своей старшей сестры, а тут уселась одна, как важная дама, и глазела в огонь. А после опять исчезла.

— И кровь... — проговорил Леофрик. — Послушай меня, киммериец. Тебя ведь зовут Конан? Послушай, Конан. Много лет назад в этом замке я занимался алхимическими опытами. Возможно, мне нет оправдания. Но я и не ищу никаких оправданий.

— Вы пытаетесь исправить зло, — сказал Конан. — Этого довольно. Я помогу вам. Только вы должны быть со мной откровенны.

— Постараюсь, насколько это в моих силах, — обещал граф. — Я был молод. Куда моложе, чем теперь, но все же старше, чем ты. У меня было богатство, силы, много времени впереди. Весь мир лежал передо мной, большой и неизведанный, но я хотел погрузиться в его темные тайны и выведать то, что прячется под покровом ночи. Ты слушаешь меня?

— Да, да, — сказал Конан, отвлекаясь от созерцания веселой маленькой птички, которая отважно разгуливала среди обломков алхимической посуды. — Разумеется, я вас слушаю.

— Во время одного из моих опытов случился пожар. Думаю, его вызвало одно из тех... существ, которых я заставлял помогать мне. Погибло несколько человек. Но худшее было впереди. Разбились мои колбы, и ядовитые пары стали распространяться по замку, губя все живое. Я собрал тех моих слуг и солдат, которые еще не надышались этой отравы, и вывел их из замка, а остальных замуравал здесь, чтобы погибель не вырвалась на волю.

— Поэтому замок и считали проклятым?

— Отчасти. Полагаю, некоторые сущности не торопились покинуть землю и обитали здесь еще долгое время. Я не знаю, какова их природа. Догадываюсь, что она бесчеловечна. Эти существа общались некогда с лемурийцами.

— Они помогали вам искать сокровища? — спросил варвар алчно. На мелкий жемчуг он не стал бы размениваться — не тот масштаб. Но если речь пойдет о сокровищах древних владык, возможно, о казне какого-нибудь погибшего царства — вот здесь стоило бы потрудиться.

— Сокровища? Можно сказать и так. Я искал сокровища знаний. С их

помощью можно добыть все что угодно.

Гримасой Конан выразил искренне сомнение в том, что дело обстоит именно так. Сам он держался прямо противоположного мнения. Сперва он должен ощутить в руке полновесный кошелек с монетами — вот это, как он понимал, стоящее дело! — а потом уже можно купить все что угодно. Даже знания. Нанять какого-нибудь голодного мудреца — этого люда немало бродит по свету — и пусть он читает варвару книги. А то и просто рассказывает истории. И объясняет то одно, то другое — смотря что заинтересует его работодателя. Вот это жизнь! Какой смысл властителю, потомку древнего и богатого рода, становиться таким бродячим мудрецом, — этого Конан в толк взять не смог. Он и спрашивать не стал. У каждого свои причуды.

— Вернемся к нашему делу — нетерпеливо проговорил Конан. — Ваши мотивы, ваша светлость, мне не вполне ясны. Точнее сказать, вообще неясны, но это неважно. Важнее другое. Вы занимались тут черной магией навывывали злобных древних духов, враждебных человеку, потом устроили пожар, напустили яду и сбежали, прихватив тех, кто от всего этого не помер?

— В самых общих чертах — признался Леофрик.

Конан поглядел на него с подозрением.

— Ничего хорошего. Последствия могут быть ощутимы до сих пор, — сказал он. — Я сталкивался с магией. Не могу не признать, что маги редко уходили от меня живыми... но это, вероятно, к нашему делу не относится.

— В замке должны быть мертвецы, — продолжал Леофрик как ни в чем не бывало. Можно подумать, он не слышал последней реплики своего грозного телохранителя. — Точнее, я надеюсь на то, что они действительно мертвы.

Конан чуть поднял бровь, но на сей раз промолчал.

— Я хочу, чтобы ты и твои товарищи обошли весь замок, от верхней площадки, где в лучшие времена находились лучники и дозорные, до подвалов, где в худшие времена томились заключенные. Подберите мертвых. Мы предадим их погребению.

— Ясно, — вздохнул Конан. — Еще один вопрос. Сколько мертвецов, по вашим прикидкам, должно здесь быть?

— Не менее пяти человек. Среди них один горбатый. Перед ним я особенно виноват.

— Сыщем, — обещал Конан. И пошел разыскивать своих товарищей, чтобы передать им еще один приказ графа.

Уходя, он обернулся в последний раз на Леофрика. Тот снова

склонился над грудой сломанных вещей, беря в руки то одну, то другую. Веселой маленькой птички рядом больше не было. Присмотревшись, Конан увидел, что она лежит на земле неподвижно. Маленький серый комочек. Совершенно мертвый.

* * *

По мере осмотра замок нравился Конану все меньше и меньше. Здесь было много комнат, мало мебели и почти вся она оказалась испорченной — изъеденной древоточцами, сгнившей от дождей, либо сгоревшей. Несколько скамей рассыпались при первом же прикосновении в труху, и оттуда во все стороны поползли жирные короткие черви. Большая кровать под балдахином обвалилась, ложе истлело и превратилось в грязную черную лужу. Сырость в спальне была большей, чем в других помещениях. Все стены оказались здесь в потеках нечистой влаги. В комнате застоялся сильный запах пота.

— Эту пакость даже не сжечь, — проговорил Аллек, сильно морщась. — Она насквозь мокрая.

Конан потрогал постель пальцем и поднес его к носу.

— Пот, — объявил варвар. — Это не вода. Пот.

— Ты хочешь сказать, что вся постель пропитана потом? — недоверчиво переспросил Ловес. — Весь этот матрас, и одеяла, и три подушки?

— Понюхай сам, если не веришь, — фыркнул варвар.

Ловес скривился так, как будто его вот-вот стошнит.

— Нет уж, спасибо. Лучше я поверю тебе на слово.

— Странно здесь, — произнес Элваэл задумчиво.

Что-то в его тоне заставило Аллека насторожиться. Резко повернувшись, он посмотрел на приятеля:

— О чем ты?

Тот неопределенно пожал плечами.

Одним прыжком Конан оказался возле него.

— Тебе задали вопрос! — рявкнул варвар. — Кто знает, может быть, от твоей искренности зависят наши жизни! Лучше отвечай, не то я вышибу ответ из тебя кулаками!

— Оставь его, — вмешался Ловес. — Не место и не время для ссор.

— Помолчи, миротворец, — огрызнулся Конан.

Элваэл высвободился с недовольным видом.

— Ладно, я скажу, — проговорил он наконец. — Только вот что: если кто-нибудь из вас вздумает надо мной смеяться, я сам вышибу из него дух.

— Никогда в жизни я не был так серьезен, как теперь, — заверил Конан, а Аллек просто кивнул. Мнением юного Ловеса мало интересовались.

— Когда я посмотрел на эту гнилую постель, — медленно начал Элваэл, — мне вдруг пришла в голову странная фантазия. Мне захотелось подняться в эту комнату ночью и лечь спать прямо здесь. На этих вонючих одеялах. Как будто в этом есть что-то необыкновенно привлекательное. Не знаю, откуда это желание, но оно было очень острым.

— Вот так дела! — протянул Конан. — Да, здесь нечисто. Знаешь что, Элваэл, я тебе скажу: ночью нужно будет за тобой последить. Неровен час, ты и впрямь во сне сюда явишься.

Элваэл еще раз бросил взгляд на постель и содрогнулся.

— Надеюсь, этого не случится, — сказал он. — Ну, идемте. Мы должны найти покойников, а пока что не нашли ни одного.

— Скоро отыщем, — обещал Конан с мрачным видом.

Они нашли одного. Это был, судя по одежде, немолодой мужчина, занимавший довольно высокое положение. Может быть, управляющий. Он лежал возле двери одной из комнат, скорчившись и слегка откинув назад голову.

— Перед смертью были судороги, — уверенно определил Ловес. — Он здорово мучился, прежде чем предстать перед вечностью.

— Я скажу графу, — зачем-то высказался Аллек.

Конан остановил его.

— Не стоит, по-моему, заговаривать об этом лишний раз.

— Почему? — Аллек смерил его взглядом с ног до головы. — Ты ведь у нас новое доверенное лицо его сиятельства, не так ли? Жалеешь его? По его вине погибли люди!

И погибнут еще, — сказал Конан. — И все же этот человек бросил занятия магией и предпринял самые решительные меры, чтобы не дать злу распространиться по земле. Оно ограничено этим замком. И мы здесь для того, чтобы очистить землю от последствий черного колдовства. По-моему, достойное занятие.

И он плюнул себе под ноги.

Ловес с восхищением посмотрел на варвара.

— Он прав, — объявил юноша. — Просто возьмем мертвеца и предадим его земле.

— Должны быть и другие, — добавил Конан. — Нужно хорошенько

обыскать все помещения. Граф говорил о каком-то горбуне. Мол, перед ним особенно виноват.

Они спустились этажом ниже. Там «улов» оказался больше — целых три трупа. За десять лет от них остались только кости, да обрывки одежды. На костяной шее одного из скелетов до сих пор сохранилась нитка красных бус. Двое других, судя по всему, были воинами. Их шлемы заржавели, но еще не рассыпались, а мечи, источенные почти до толщины иглы, бессильно грозили кому-то невидимому.

Горбуна среди них не оказалось.

* * *

Похоронный обряд был коротким. Призвали богов потустороннего мира и принесли им в жертву немного хлеба, воды и пойманного Конаном зайца; затем все скелеты закопали в одной могиле. Граф Леофрик запечатал ее магическим знаком.

Узнав о том, что горбуна так и не нашли, он не на шутку встревожился.

— Кто он, этот горбун, о котором вы так беспокоитесь? — спросил Конан. — Что еще нам нужно знать для того, чтобы помочь вам?

— Горбун... Его звали Килдор, — заговорил граф Леофрик. — Я подобрал его мать много лет назад на большой дороге. Это была молодая нищенка, красивая, как юное божество любви. Она утратила рассудок — уж не знаю, почему. Может быть, родилась такой. Иногда я вижу ее во сне. Как она идет, пошатываясь и простирая руки. Эти белые, как будто светящиеся руки! А ведь она была настоящей нищенкой, бродяжкой без крова над головой, она побиралась у чужих людей, добрых и не очень. Одни кормили ее из жалости, другие били и прогоняли прочь, некоторые пытались травить собаками. И находились такие, что брали с нее плату за пропитание. «Это, — говорили они, — такая вещь, которую можно давать всем подряд и все же не нести ущерб». Одним богам известно, сколько раз она раздвигала ноги перед разными негодьями.

Когда я подобрал ее, она была беременна. Я узнал об этом далеко не сразу. Сама она, разумеется, ни о чем подобном и не подозревала. У нее был рассудок, как у маленькой птицы, что не вьет себе гнезд под небом, а летает и поет и в этом видит свое предназначение.

Несколько месяцев она прожила у меня в замке. Я пытался исцелить ее бедную головку разными алхимическими снадобьями, но ничего не помогало. Как доверчиво она брала из моих рук любую отраву! Я составлял

микстуры и сдабривал их изрядными порциями заклинаний. Мне казалось — еще немного, и я найду правильный состав. К моей красавице вернется разум, и мы с нею заживем как брат и сестра в моем прекрасном богатом замке. Как мы будем счастливы! Сколько хорошего сумеем сделать!

Ничему этому не суждено было сбыться. С каждым днем она все больше угасала, хотя встречала мое появление по-прежнему доброй улыбкой. И по-прежнему была мне благодарна. Ребенок уже шевелился в ее чреве, когда я понял, что она умирает.

Не знаю, что стало причиной этого раннего угасания: естественная ли ее болезнь, которой она была подвержена с раннего детства, или мои неудачные попытки исцелить ее. Может быть, и то, и другое. Я понял, что женщину не спасти, и попытался — ради нее самой — уберечь хотя бы ее нерожденное дитя. Когда молодая мать корчилась в агонии, я взял большой нож и вырезал младенца из ее живота.

Она скончалась с тихой улыбкой на лице. Как она была хороша! Все ее страдания, которые она претерпевала столько лет и так кротко, остались позади. А на руках у меня плакал маленький, весь красный ребенок, и кровь его матери стекала у меня по рукам...

— Где это произошло? — спросил Конан. — Где была комната безумной красавицы?

Граф слегка смешался, когда его воспоминания были так резко перебиты.

— Комната? — переспросил он, как будто плохо понимал, о чем идет речь. — А, это... Да, она была наверху. Там и сейчас, наверное, стоит ее постель.

— Какой она была, эта постель? Под большим балдахинном? С резными фигурками в ногах?

— Да. Ты видел ее?

Конан кивнул.

— Там все сгнило. Странно — до сих пор все пахнет потом.

— А крови ты там не видел? — содрогаясь, спросил граф.

— Только пот. Но и это достаточно странно, если учесть, что женщина в последний раз спала на этой постели много лет назад.

— Больше двадцати, — подтвердил граф. — Ребенок, который таким ужасным образом появился на свет, и был тем самым мальчиком, я дал ему имя Килдор. Я воспитывал его у себя в замке. К нему был приставлен специальный слуга. Ребенок оказался уродом. Мы поняли это года через два, когда он начал неправильно развиваться. Одно плечо у него было выше другого, спина изгибалась, как кривое колесо. Он хромал — волочил ногу.

Поэтому он поздно научился ходить. Лет в пять, не раньше.

Но на этом безобразном теле сидела прелестная голова. Только маленькая. Непропорционально маленькая, как будто она принадлежала крошечной девочке. Хорошенькое личико, бледное, почти прозрачное, огромные глаза, красивые губы, тонкий нос. Когда я смотрел на него, мне казалось, будто в недрах уродливой плоти скрывается очаровательное неземное существо. Может быть, такими были дети лемурийцев — кто знает?

— Судя по остаткам их магии, лемурийцы были довольно неприятными созданиями, — проворчал Конан. — Да и этот Килдор, о котором вы так проникновенно рассказываете, честно говоря, ничего, кроме ужаса, у меня не вызывает. В былые времена, если киммерийка производила на свет уродливое дитя, его относили в лес и оставляли на милость волков и медведей.

— Это жестоко! — содрогнулся граф Леофрик.

— Не менее жестоко, чем воспитать уродца в своем замке, а потом бросить его замуравив, на милость черной магии.

— Твои слова поражают меня в самое сердце, — признался Леофрик. — Я и сам так думаю. Но обстоятельства повернулись таким образом, что мне пришлось так поступить.

— И все-таки лучше было не трогать эту безумную нищенку, — настаивал Конан. — Пусть бы бродила себе и умерла бы в свой час. Сдается мне, господин, вы вмешались в естественный ход событий. Боги не любят, когда человек насильственно изменяет судьбу, определенную ими какому-либо существу.

— Но разве тебе не доводилось спасать женщину из рук насильника? — возразил Леофрик. — Разве не приходите вы, воины, на помощь друг другу на поле боя, во время сражения?

— Это так, — согласился Конан. — Но здесь есть кое-какая разница. Одно дело — обычный человек, какой-нибудь рубака или красотка из хорошей семьи, которую пытаются умыкнуть и продать за большие деньги. Тут нет ничего особенного. Но, судя по вашему рассказу, та нищенка была особенной. Избранницей богов. Разве я неправ? И уж вы-то, господин граф, не могли этого не почувствовать. Если уж я понял — из одного только вашего рассказа... Что, не так? Я ошибаюсь?

— Нет, Конан, ты совершенно прав, — со вздохом признал Леофрик. — Она была избранницей. В ней таилась какая-то могущественная светлая сила. Кто знает, может, своим вмешательством я сломал один из лучших замыслов тех, чьи мысли для нас непостижимы.

Может, пытаясь спасти ее, я ее погубил. Кто знает! Нужен ли был обыкновенный человеческий рассудок той, которая несла в себе тихий свет нерассуждающей радости?

— Вот как вы заговорили! — хмуро обрадовался Конан. — Наверное, вы все это и раньше понимали. Ну так вот. Когда человек вмешивается в судьбу избранных и начинает перекраивать ее по-своему, на свет появляются чудовища.

— Ты неправ, — запротестовал Леофрик. — Килдор вовсе не был чудовищем. Он был веселым и преданным мальчиком. Он очень любил меня. Думаю, он даже меня боготворил. И я его любил. Учил всему, что знал. Обучил его грамоте, показывал книги.

— Даже магические?

— Нет! — Граф решительно взмахнул рукой. — Разумеется, нет. Только по истории. А сказки ему рассказывала кормилица, которую мы взяли из деревни. Она оставалась при нем до самой... его смерти.

— Это ее скелет с бусами мы нашли наверху? — уточнил Конан.

Граф молча кивнул, погруженный в воспоминания.

— Когда случилась катастрофа, Килдор находился наверху. Он не мог спастись. Он был... боюсь, он был в лаборатории.

— Но там не оказалось никаких скелетов, — напомнил Конан. — Может быть, ему удалось выбраться через окно.

— Исключено. Он застрял бы среди камней. Он был таким неловким, таким... угловатым! Его горб цеплялся даже за косяки дверей. Что уж тут говорить об узком окне! Нет, произошло что-то другое. Возможно, настолько ужасное, что об этом вообще лучше не думать.

* * *

Ночью Элваэл спал плохо. Стряпуха Танет успела с ним помириться и даже устроилась ночевать рядом, положив голову ему на плечо, но даже ее присутствие не согревало охранника. Его как будто знобило, хотя трогая свой лоб, он убеждался, что лихорадки у него нет.

Неожиданно его щеки запылали, как будто жаркий пламень дохнул ему в лицо. Не веря этому новому ощущению, Элваэл осторожно прикоснулся к щекам тыльной стороной ладони. И тотчас ощутил горячее. Он откинулся на соломенном ложе, сердясь и недоумевая. Когда он успел подцепить болезнь? И насколько она опасна? Когда-то, очень давно, во влажных и

опасных лесах Черных Королевств, он страдал от тропической лихорадки. Но с тех пор она о себе не напоминала.

И тут чьи-то нежные прохладные руки провели по его лицу. Прикосновение было настолько приятным, что Элваэл даже застонал от удовольствия. Руки гладили его все настойчивее, а затем потянули за одежду, как будто призывая подняться и куда-то идти.

Плохо соображая спросонок, Элваэл высвободился из объятий Танет и встал. Пошатываясь, он побрел следом за неясной беловатой тенью, которая как будто светилась в темноте собственным тусклым светом. Возле лестницы тень остановилась.

Теперь Элваэл явственно видел, что это молодая женщина, почти девочка. Ее черты показались ему необычайно привлекательными. Сказать по Правде, Элваэл никогда не видел таких удивительных лиц: огромные, чуть раскосые глаза под тонкими, разлетающимися бровями, чувственные губы и острый, резко очерченный нос. Мягкий рот как будто нарочно контрастировал с определенностью и сухостью заостренного подбородка. Копна пышных светлых волос падала на плечи и спину, а манящие прохладные руки трепетно шевелились, как будто были невесомыми, и их тревожил сквозняк.

Элваэл опять тихо застонал, приближаясь к незнакомке. В какой-то миг он уловил в ней нечто совершенно знакомое, будничное, как будто она оказалась кем-то, кого он видел не далее как утром, но это мимолетное ощущение сразу исчезло, растворившись во всепобеждающем желании.

Она шагнула на первую ступеньку и снова обернулась к нему. Отбросив все страхи и колебания, Элваэл устремился вслед за нею. Они поднялись наверх. Несколько раз он настигал ее и, казалось, вот-вот схватит за гибкую талию, но она все время выскользывала и бежала все выше и выше. Затем Элваэл потерял ее из виду.

Он заглянул наверх, но выше по лестнице незнакомки уже не было. Тогда он нырнул в один из коридоров, и там заметил белое, прозрачное существо, приникшее к стене. «Туда!» — сказал сам себе графский охранник, теряя голову.

Дождавшись, пока он подойдет поближе, призрачная женщина прижалась к стене еще сильнее и неожиданно просочилась сквозь нее. Элваэл потянул на себя тяжелую дубовую дверь. Открылась комната, и женщина была там.

Комната показалась Элваэлу самой роскошной из всех, какие он когда-либо видел. Посреди ее стояла огромная кровать под балдахином. Всюду свисали кисти и изящные драпировки. Резные деревянные фигурки,

изображающие лошадей, грифонов и играющих детенышей леопарда, украшали изножье кровати. Они были раскрашены и частично позолочены. Казалось, они живые и вот-вот начнут возиться на полу, шумя, рыча и хлопая крыльями.

Стены комнаты казались теплыми из-за гобеленов, на которых искусно были вытканы фрукты, цветы, деревья и птицы. Мягко горела в углу глиняная лампа на высокой подставке, сделанной в виде двух переплетенных лап с когтями: соединясь в «рукопожатии», эти лапы были обращены в разные стороны — нижняя стояла когтями на полу, а верхняя держала лампу.

Роскошь и уют спальни завораживал. Прохладные простыни из белого тонкого полотна манили к себе. Женщина оттолкнулась от холодного каменного пола кончиками пальцев, взлетела и, промчавшись по воздуху развевающейся тенью, упала на эту кровать и оттуда протянула к Элваэлу руки.

Отринув последние сомнения, он подбежал к ней, и ледяные объятия сомкнулись вокруг него.

* * *

— Никто не видел Элваэла? — озабоченно спрашивал Аллек всех, кого встречал наутро.

Ответом ему было дружное отрицание. С вечера упрямец-телохранителя никто не встречал. Последней была Танет.

— Мы заснули вместе, — безутешно плакала она. — Ох, что-то случилось! Просыпаюсь — а его нет. Сбежал ночью! Конечно, мы поссорились, но ведь мы часто ссорились. Разве это причина, чтобы удирать от меня посреди ночи?

Ловес был по-настоящему испуган и из последних сил старался скрыть это. Крестьяне сделались угрюмыми и молчаливыми. Петрейда тоже не возвращалась, но ее судьба почему-то тревожила графа куда меньше. Новое исчезновение вызвало у Леофрика оторопь. Глядя, как он мечется возле очага, не находя себе места, Конан качал головой. Мало ли, куда мог среди ночи уйти мужчина! Может быть, забрел в кусты и повредил ногу. Нет ничего проще. Нужно просто разойтись в разные стороны и поискать.

Но Леофрик решительно отмел это предложение.

— Искать будем не за стенами башни, а внутри ее. Если то, о чем я

думаю, подтвердится... Словом, обойдите все комнаты.

— Будем по-прежнему выбрасывать старые вещи? — спросил Аллек. — Я хочу сказать — после того, как мы найдем Элваэла, и я устрою ему выволочку.

— Сперва найдите его, — умоляюще молвил граф, и они разошлись по всей башне.

Обнаружил его Конан. Ведомый своим варварским чутьем, он почти сразу отправился в спальню, которая вчера вызвала у него такое отвращение. Там, как ему показалось поначалу, ничего не изменилось: все те же рваные гобелены, та же опрокинутая и разбитая лампа, та же гнилая вонючая постель... Но откуда на полу странные красноватые следы? Конан наклонился пониже. Это были следы босой женской ноги. Еле различимые, но все же... Какая-то женщина где-то в неизвестном месте наступила в лужу крови, а потом, не оставив нигде ни пятнышка, прыгнула прямо сюда — и вот, пожалуйста, отпечаток.

Это было так непонятно, что Конан заскрежетал зубами. Он ненавидел грязные загадки такого рода. Теперь развеялись последние сомнения касательно происходящего в замке. Верить здесь нельзя никому. Любой может оказаться колдуном, оборотнем, вампиром или того хуже — демоном из другого мира. Как там вчера рассказывал граф? Лемурийские чудовища? Только их не хватало!

В постели лежал Элваэл. Прямо в черной жиже. Он был мертв и уже начал разлагаться, хотя запаха не было. Преодолевая отвращение, Конан внимательно его осмотрел. Его удивила поза мертвеца и выражение его неподвижного лица. Элваэл улыбался блаженно и глупо. Никаких ран на его теле не обнаружилось. Он лежал так, как будто обнимал кого-то невидимого.

В какое-то мгновение Конану показалось, что рядом с трупом что-то есть. Прозрачное, практически невидимое, оно копошилось под его руками и еле слышно смеялось.

Волосы на загривке варвара зашевелились, как у дикого зверя при виде опасности, которую он ощущал всей кровью.

— Кром! — заорал Конан и потряс в воздухе кулаками. Видение исчезло, и смешок прекратился. Варвар опрометью бросился бежать из комнаты.

Когда он спустился вниз, то выяснилось, что пропал не только охранник Элваэл. Исчезло одно из крестьянских семейств, муж и жена. Но эти, по крайней мере, не погибли таинственно и страшно — они попросту сбежали, оставив графа и его спутников.

— Может быть, они поступили правильно, — негромко сказал Ловес своим товарищам. — Они не воины и не обязаны подвергаться здесь всем этим опасностям.

— Граф обещал им помощь, — напомнил Аллек. — Они пошли за Леофриком потому, что надеялись на лучшую жизнь.

— Хороша «лучшая жизнь»! — фыркнул Конан. — Сидеть и ждать, кого заест вампир — или кто там засел в верхних комнатах!

— В любом случае, они сделали выбор. Будут нищенствовать, но, во всяком случае, не погибнут, — вздохнул Аллек. — Меня мало волнует участь подобных людей, так что оставим разговор на эту тему.

— Почему их судьба тебя не волнует? — тихо спросил Ловес. — Прости, что задерживаю тебя на вопросе, который тебя раздражает. Просто ответь мне, и я больше не буду к этому возвращаться.

— Он может дать тебе по башке — и тогда ты точно уж к этому не вернешься, — напомнил Конан.

Аллек криво пожал плечами.

— Я родился в подобной семье. Мои родители были злыми и тупыми, они вечно ковырялись в земле, как старик в своих гнилых зубах, пытаясь выдавить из нее побольше моркови и гороха. Все это было невкусным и быстро портилось; земля была истощена, родственники нам не помогали, потому что были такими же тупыми, скупыми и злыми, как мои родители. Я не видел смысла жить. Зачем рождаться на свет, если все, что ты увидишь под солнцем, — это клочок неплодородной почвы, уродливые лица и отвратительная похлебка, изо дня в день одна и та же? Но однажды настал день, когда я увидел воина.

Он был совсем другим. Поначалу я подумал, что это не человек, а какое-то животное. Разве у людей бывает такая прямая спина, такие пронзительные глаза, такой громкий голос? Я был глуп! Я подбежал к нему, бросился ему в ноги, я умолял его забрать меня с собой — в берлогу или в гнездо на скале, не знаю уж, где он устроил свое логово.

Судьба улыбнулась мне. Воин не отшвырнул меня ударом ноги, не прогнал. Он посадил меня на коня перед собой и увез, а слезливые крики моих родителей заглохли позади нас.

Мой воин не был богат. Он не был удачлив. Когда мне было пятнадцать лет, его убили. Все это время я прислуживал ему, как раб, и

учился его ремеслу исподволь. Иногда он со смехом подзывал меня и показывал, как владеть мечом, но меч был слишком тяжел для меня — я ронял клинок и не раз случалось так, что я вот-вот мог отрубить себе ногу.

Я не люблю крестьян, потому что знаю их лучше, чем кто-либо другой. Я ненавижу жизнь, на которую они себя обрекают. Я не стану убивать их, но никогда по доброй воле не захочу иметь с ними дела. Граф Леофрик хочет забрать мальчика Дакко себе и воспитать его в замке. Думаю, это правильно.

— Особенно если учесть, как господин граф воспитал своего предыдущего приемыша, — пробормотал Конан.

— Какого приемыша? — насторожился Ловес.

— А, так вы же ничего не знаете!

И Конан пересказал своим товарищам историю о безумной красавице и ее горбатым сыне, который погиб в замке и которого они так и не нашли. На середине рассказа его посетила догадка, но ее он решил оставить напоследок.

— Сдается мне, Элваэл повстречался нынче ночью с призраком этой дамы, — сказал Аллек.

Конан посмотрел на него сердито. Конечно, теперь им легко делать выводы!

— Да, очень похоже на то, — признал Конан. — А та девчонка, Петрейда, — ее до сих пор нет.

— И не будет, — сказал Ловес. — Я уверен, что она мертва.

— Кровь?

Молодой воин кивнул.

— Не знаю, кто обитает в этом замке, но ему необходима живая кровь. И чем больше он ее выпьет, тем опаснее станет.

— По-моему, он ее не пил, а размазывал по стенам, — напомнил Конан.

— И куда она потом исчезла? — поинтересовался Ловес.

Конан пожал плечами.

— Откуда мне знать?

— У меня есть предположение, — сказал Ловес. — Я думаю, что оно ее слизывает. Ему необходима не просто кровь, а кровь в сочетании с теми субстанциями, которые выделяют стены башни.

Конан посмотрел на молодого человека исподлобья, с подозрением.

— Мудрено выражаешься! Ты сам, часом, не маг?

— Просто читал пару книг, — объяснил Ловес. — И несколько раз беседовал кое с кем.

— Лично я с магами не беседую. У меня с ними разговор короткий, — произнес Конан.

Аллек задумчиво кивал, как бы в ответ на последнее предположение Ловеса.

— Возможно, ты прав, парень, — признал он, обращаясь к Ловесу. — В любом случае, нам стоит сжечь тело Элваэла вместе с постелью. Обольем маслом и...

Конан коротко, яростно кивнул.

* * *

Узнав об этом замысле, Леофрик поддержал своих телохранителей.

— Это следовало сделать еще вчера, — признал он.

Постель зашипела, едва первые капли масла попали на балдахин. Поначалу Конан решил, что ему чудится, но остальные тоже слышали этот звук. Кровать шипела, как недовольная змея, а затем начала дрожать. Затряслись поломанные фигурки в изножье, заплясали облезлые веревки, которые некогда были шнурами, украшенными кистью. С громким хлопанием стала подпрыгивать подушка, и вонь старого пота расплзлась по всей комнате.

Конан запалил факел и бросил его на середину кровати. Пламя лизнуло разлитое масло и побежало по стойкам балдахина наверх. Тело Элваэла шевельнулось — поначалу присутствующим показалось, что просто от жара, но нет. Он сел и открыл слепые, текущие глаза, распахнул безгубый рот, и оттуда посыпались зубы. Руки с отваливающейся плотью затряслись, простираясь к бывшим товарищам бывшего охранника, пальцы скрючились, как будто он тщетно царапал воздух.

Рядом с ним возникла прозрачная фигура изумительно красивой женщины. Лицо ее мгновение было обращено к троим мужчинам, которые стояли с факелами и мечами и безмолвно смотрели на невероятную агонию трупа. Затем прекрасные черты призрака исказились и сделались жуткими, нос вытянулся и заострился, как игла, подбородок оплыл книзу и быстро достиг середины груди, пухлый рот растянулся и исказился, а глаза провалились в глубокие черные орбиты.

— Надо было позвать Леофрика, — с Досадой проговорил Аллек. — Возможно, он узнал бы ее, свою красавицу.

— Мы и так поняли, кто она такая, — сказал Конан и опять плюнул. — Пойдемте отсюда. Я бы выжег так каждую из комнат этого проклятого

замка, да никакого масла не хватит.

— По крайней мере, теперь мы избавились от кровавого призрака, — произнес Аллек.

— Я так не думаю, — пробормотал Ловес, но так тихо, что его никто не расслышал.

* * *

Трактирщик Галлго обдумывал все увиденное им несколько дней подряд. Времени у него было довольно. Во всяком случае, так он полагал до тех пор, пока в здешних краях не появился граф Леофрик с небольшой свитой. Теперь количество времени резко сократилось. Предстояло снова менять место обитания. Может быть, стоило уйти поглубже в лес и построить там небольшую хижину? Жить можно охотой и рыбалкой, а зерно покупать у местных крестьян, изредка навещая деревни...

Стоило хорошенько взвесить все «за» и «против», прежде чем бросать таверну. Все-таки «Колесо и шар» было любимым детищем Галлго, его первым настоящим пристанищем после стольких лет скитаний и странствий.

Но Конан узнал его. Впрочем, Конан — бродяга; он как пришел, так и уйдет. Лишь бы не наболтал графу о своем прежнем знакомстве с невинным с виду содержателем придорожной таверны.

Они встретились в Черных Королевствах. Галлго работал тогда на работоторговцев. Вместе они выслеживали в джунглях красивых и сильных черных людей, чтобы потом захватить их в плен и обратить в рабство. За таких много давали на рынках. А потом они столкнулись с целой армией чернокожих, во главе которых был белый гигант, которого они называли Амра — Лев. И этот Амра без труда перебил половину охотников за рабами, а прочих прикончили его черные головорезы.

Галлго уцелел, потому что спрятался в кустах и притворился убитым еще в самом начале сражения. Когда он увидел этого Амру, он сразу понял, что его товарищам-работоторговцам не победить. Лютый и дикий, белый человек во главе толпы негров был страшен. Забрызганный кровью, с оскаленной пастью и сверкающими синими глазами, он выглядел первобытным существом, божеством смерти и разрушения.

Галлго пролежал в болотах, дышащих лихорадкой, среди убитых, до вечера, когда животные выбрались из своих ног и отправились на охоту. Чужая легкую поживу, собирались вокруг поля боя шакалы и гиены, а где-то в

чаще рычал леопард.

Галлго выбрался из своего укрытия и... внезапно увидел, что белый дикарь стоит рядом и внимательно смотрит на него.

— Я так и знал, что ты притворяешься, — заявил он. — Хитрый белый засранец! Что ты делал здесь, с этой сворой ублюдков? Охотился за рабами?

Отрицать было бесполезно. Галлго кивнул, чувствуя, как стучат его зубы.

— Я не стану тебя убивать, — сказал Амра. — Ты станешь моим человеком. Но если ты изменишь мне, я расскажу моим черным мерзавцам, кто ты такой, и они разорвут тебя на клочки.

Галлго так и не понял, зачем Амра это сделал. Может быть, он поступил так потому, что уже утолил свою жажду крови во время битвы и не хотел марать рук о безоружного и слабого противника. А может быть, и потому, что кровожадность Амры была сильно преувеличена, в чем Галлго имел не один случай убедиться.

Впоследствии они немало времени провели вместе. Достаточно, чтобы не забывать друг о друге и- после того, как расстались. Тогда они взяли неплохую добычу. И дело вышло практически чистое: никого не пришлось убивать и грабить; камешки лежали себе в земле и ждали того умника, который возьмет в руки лопату и доберется до них. Ну и еще совладеет с тем гигантским слизняком, который обитает поблизости — кое-кто полагал, что основной задачей этой улитки было стеречь сокровища. Конан так не думал. Он просто превратил монстра в бесформенный трясущийся студень.

После этого их с Галлго дороги разошлись. Глядя, как Конан беспечно уезжает прочь, навстречу новым приключениям, Галлго вдруг ощутил себя старым. Ему захотелось покоя. Он знал, что любой авантюрист, которому хочется покоя, либо погибает, либо начинает тосковать. Бродяжничать и пускаться в приключения можно только с молодым, жадным сердцем, а сердце Галлго устало.

И сейчас, когда прошло уже столько лет, он все еще не насытился покоем. Ему не хотелось бросать «Колесо и шар» и начинать все сначала. Поэтому он решил остаться. В конце концов, граф Леофрик — если правда все то, что о нем говорят, — тоже не идеальный властитель с безупречным прошлым. Он поймет человека, который в молодости отдал дань духу авантюризма. И оставит этого человека в покое.

Во всяком случае, хочется на это надеяться.

Одинокая прогулка затянулась, и Галлго уже совсем было собрался

повернуть домой, как вдруг из чащи леса донеслись громкие отчаянные крики. Голосов было двое — мужской и женский. Поначалу Галлго решил не вмешиваться, боясь выставить себя дураком. Любовные парочки часто кричат во время своих игр. Некоторые нарочно уходят подальше в лес, чтобы можно было без помехи вопить что есть силы: «Спасите, насилуют!» — а потом отдаваться друг другу со страстью, какой не увидишь в добропорядочной супружеской спальне, где нужно соблюдать тишину и не тревожить домочадцев.

Однако прислушавшись Галлго уловил в этих голосах странные нотки. Женщина кричала так, как будто ей причиняли настоящую боль, а в голосе мужчины слышался ужас. Потом женщина замолчала, а мужчина возопил, как, будто хотел обвинить небеса и всех богов:

— За что?

И тотчас послышался хрип. Галлго уже бежал туда, хрустя сухими ветками и продираясь сквозь кусты. То, что предстало его глазам на небольшой поляне, показалось в первый миг слишком чудовищным, чтобы сознание могло вместить это. Все листья и стволы растущих вокруг кустов и деревьев были забрызганы кровью. Тело женщины, растерзанное, с распоротым животом, лежало, разметавшись, на траве. Мужчина, окровавленный, с выпученными глазами и широко раскрытым мокрым ртом, тихо хрипел, сидя рядом. Кисть левой руки у него была оторвана, и он тупо смотрел на нее.

А по поляне расхаживало странное чудовище с большими когтями и торчащими из пасти клыками. Оно не было похоже ни на одно из животных, известных Галлго, — а уж трактирщик-то, свидетели боги, постраниствовал по свету! Ужаснее всего показались Галлго глаза монстра. Это были разумные, почти человеческие глаза, наполненные глубокой, древней тоской. Как будто оно, уничтожив жизнь несчастной женщины, пыталось утолить эту тоску, решить какую-то давнюю, неразрешимую загадку, и снова — уже в который раз! — потерпело поражение.

Смотреть в эти глаза было больно. Галлго снял с плеча лук. Любопытно, почему чудовище до сих пор не заметило появления нового человека? Возможно, оно слишком поглощено собственными чувствами — как ни странно звучит подобное определение по отношению к монстру.

Галлго прицелился. Конечно, он не самый хороший стрелок, можно найти и получше, но сейчас это неважно. Промахнуться, стреляя с семи шагов в такую крупную мишень, невозможно.

Судьба мужчины с оторванной "кистью" сейчас мало волновала Галлго. Куда больше он тревожился о том, что какой-то неизвестный монстр будет

бродить в здешних окрестностях и пожирать людей. Эдак в таверну вообще больше никто заглядывать не будет. При всей своей мизантропии бывший авантюрист нуждался в клиентах, хотя бы изредка.

Стрела пролетела по воздуху и впиалась чудовищу в глаз. Оно замерло, а затем резко, пронзительно завизжало, молотя по воздуху когтистыми лапами. Мотая головой, оно попыталось избавиться от стрелы. Галлго пустил вторую и пронзил длинную изогнутую шею монстра. Новая порция скрежещущих криков, сквозь которые вдруг стало слышаться явственное всхлипывание, как будто рыдала женщина. Затем чудовище опрокинулось набок и устало в небо уцелевшим глазом. В нем так и застыли непонимание и печаль.

Держа лук наготове, Галлго осторожно приблизился. Чудовище не шевелилось. Еще одна стрела, выпущенная с близкого расстояния, вошла в область сердца. Во всяком случае, у всех известных Галлго существ — если только они обладали сердцем — этот орган помещался именно там, в груди, между передними конечностями. Раздался чмокающий звук. Чудовище содрогнулось всем телом, но больше ничего не произошло.

— Оно мертво, — сказал Галлго, обращаясь больше к самому себе, чем к обезумевшему, окровавленному человеку, который смотрел на него непонимающе.

Трактирщик наклонился, потому что заметил в траве нечто странное. Оно напоминало какое-то орудие... или прибор. Плоское, причудливой формы. Материал, из которого «это» было сделано, показался Галлго совершенно незнакомым. Он взял предмет в руки, повертел его и так, и эдак, а затем выронил, потому что таинственная вещь вспыхнула сама по себе и сгорела на траве в считанные мгновения.

Если бы граф Леофрик находился рядом, он с удивлением узнал бы в горящем предмете древнюю лемурийскую букву, которая читается как «а» и считается «лишней», проклятой. Но графа поблизости не было, поэтому Галлго так ничего и не узнал о том чудовище, которое сразил своими стрелами.

Искалеченный человек глядел на трактирщика с ужасом. Галлго снял пояс и перетянул руку, чтобы остановить кровь.

— Я помогу тебе, — обратился трактирщик к калеке. — Не бойся. Оно умерло и больше не оживет. Кто эта женщина? Твоя подруга?

Ничего не ответив, человек закатил глаза и потерял сознание.

Высоко, в самой верхней комнате башни, граф Леофрик смотрел на странно знакомого юношу и не мог оторвать от него взгляда. Стены комнаты были густо вымазаны кровью, тела двух крестьян — родителей Дакко — лежали возле окна, но на них ни граф, ни юноша не обращали внимания. Кровь медленно ползла по камню. Время от времени юноша поворачивал голову и слизывал ее, и тогда стена очищалась — не оставалось даже следа. Но тотчас новая капля приходила на место поглощенной, и юноша вновь проводил по ней языком.

Граф смотрел, время от времени пытаясь заговорить, но язык прилипал к гортани, и горло перехватывало кольцом. В углу рта скапливалась горькая пена, руки онемели — граф не мог пошевелить и пальцем. Он и сам не понимал, как попал в это положение.

Утром Конан обнаружил тело Элваэла. Сожгли постель. Охранники клялись, что видели, как в огне расточается призрак прекрасной женщины. Они описывали ее по-разному. Конан утверждал, что такие красотки попадались ему в Туране, но лично он, Конан, встречал в тамошних харчевнях красоток получше. Аллек говорил, что красота ее дьявольская и что такие женщины хорошо прижимаются при храмах Стигии, где занимаются проституцией и предлагают свое тело любому мужчине, который только их пожелает. Но ложиться с ними опасно, потому что, опутав человека любовными чарами, эти колдуньи заманивают его в глубокие подземелья и там посвящают мрачным стигийским божествам со звериными головами. Ловес же коротко сказал, что женщина была красива, возможно — несчастна, но не показалась ему привлекательной и подобных он никогда не встречал.

Граф решил зайти в бывшую спальню и попытаться найти там следы призрака. Но ничего, кроме большой груды жирного пепла на месте, где стояла кровать, не обнаружил. Там он постоял несколько минут, вспоминая красавицу-нищенку с помутненным рассудком, которую хотел исцелить и которую погубил. Был ли то ее призрак? Девушка при жизни не была похотливой, хотя никогда не отказывала мужчинам, если те желали утолить с нею свой мужской голод. Графу хотелось думать, что ее насильовали, но на самом деле — и в конце концов он вынужден был это признать — она отдавалась своим случайным любовникам добровольно, потому что умела любить весь мир.

Он убил ее физически. Теперь сюда пришли его люди и убили ее дух. Он так и не успел увидеть ее.

Неожиданно граф почувствовал, что больше не один в этой пустой комнате. И снова полузабытый голос хохотнул у него за спиной. На этот раз

граф не стал медлить и обернулся сразу. Перед ним стоял молодой человек. Он не выглядел ни призрачным, ни мертвым. Напротив, казался живее живого — с теплой белой кожей и ярким румянцем на щеках. Глаза его блестели, красный рот улыбался, обнажая очень здоровые, ослепительные зубы.

Юноша был высок и строен, только руки его казались непропорционально длинными. Он поднял руку, посмотрел на свои ногти — граф увидел, что под ногтями запеклась кровь, — пососал палец, а потом растянул губы в широкой улыбке.

— Здравствуйте, ваша светлость, — проговорил он. И засмеялся, негромко и недобро.

— Здравствуй, — ответил граф.

— Пришли полюбоваться? — спросил юноша.

— На что?

Кивком подбородка он указал на сгоревшую кровать.

— Вы убили ее один раз, а теперь вернулись и убили снова. Сколько еще раз вы будете убивать ее? Может быть, напишете книгу, где убьете воспоминание о ней?

— О ком ты говоришь?

Юноша придвинулся к Леофрику, мгновенно переместившись от двери к самой куче пепла.

— О своей матери! А вы разве не о ней сейчас думали, а?

— О ней... Но разве ты... Я решил, что ты... — забормотал граф. Интуитивно он догадывался, что юноша не лжет, что это действительно Килдор, которого почти двадцать лет назад неумеха-алхимик, целитель-неудачник вырезал из чрева умирающей матери. Но рассудок отказывался принимать очевидное.

Где изувеченное тело? Где горб, где хромяя нога, где эта нелепая мясная туша, что прежде носила на своих плечах очаровательную детскую головку?

Все это исчезло. Горба как не бывало, стан распрямылся, стал гибким и красивым, движения сделались ловкими, почти кошачьими. А лицо перестало быть нежным, сделалось утонченно-жестоким.

— Килдор! — прошептал граф Леофрик. — Это ты!

— Да, господин граф. Наконец-то мы встретились. Вы узнали меня! О, какая честь! — Юноша упал на колени, воздел над головой руки, и Леофрик снова с содроганием увидел запекшуюся под ногтями кровь. — О, как я безмерно счастлив! — шипел коленопреклоненный. — О, неужели я дождался этого светлого часа! — Неожиданно он поднял голову и устремил

на графа яростный взор светящихся глаз. — Как же я счастлив, господин мой! А вы? Вы счастливы?

— Килдор, ты жив... — , бормотал Леофрик, сбитый с толку.

— О, я более чем жив, — сказал юноша, вскакивая на ноги. — Идемте. Я хочу вам кое-что показать.

И граф покорно поплелся следом за своим бывшим воспитанником. Они одолели лестницу и вошли в маленькую комнатку, располагавшуюся под самой крышей. Когда-то здесь хранились луки и копья; отсюда лучники попадали на плоскую крышу и заступали на дежурство, высматривая, не появится ли враг.

Сейчас комната преобразилась. Оружие куда-то пропало. Под окном в безобразных позах, как сломанные куклы, валялись убитые крестьяне, мужчина и женщина. Оба были иссиня-бледными, обескровленными. Их кровь была повсюду — на стенах, на потолке, на полу. Только вокруг окна было чистое пространство — там юноша успел все вылизать.

— Это ведь были твои люди? — небрежно кивнул он в сторону убитых. — Довольно вкусные. Не корми их больше чесноком и рыбой. Терпеть не могу этот привкус. Охранник был лучше, но я отдал его своей матери. Она тоже заслужила немного удовольствия, не так ли? А сейчас, когда ты распорядился убить ее, я еще больше рад тому, что позволил ей насладиться напоследок мужской любовью. Ей этого очень не хватало.

— Мои слуги... замок... — залепетал граф Леофрик. — Великие боги, что же здесь произошло?

— Ты, наверное, хочешь знать, почему я до сих пор жив? — осведомился Килдор, надвигаясь на своего бывшего повелителя и оскаливаясь в ухмылке. — Да? Ну, отвечай!

Сбитый с толку, напуганный, граф даже не обратил внимания на это неожиданное «ты». Он просто кивнул.

— Ладно, слушай. Когда ты нахимичил у себя в лаборатории, начался пожар, и по башне расползся яд. Помнишь? Ты велел заложить окна нижнего этажа и запереть двери, чтобы никто из нас, оставшихся в башне, не выбрался наружу и не рассказал людям, чем ты здесь занимаешься.

— Это не так! — запротестовал граф. — Я велел вывести всех, кого можно было спасти. А прочие... я счел вас погибшими.

— Ты убил мою бедную добрую Кормилицу, и своего управляющего, и этих парней, которые оказались наверху... Ты всех их убил! Ты и меня бы убил, дорогой мой господин, мой приемный отец, мой благодетель, если бы я не закрылся в одной из комнат. Не знаю, почему, яд на меня не подействовал. Думаю, это из-за тех снадобий, которыми ты пичкал мою

мать, прежде чем разрезать ей живот.

— Я хотел спасти ее! — опять запротестовал граф. — Я столько сил и средство потратил на то, чтобы найти снадобье, которое ей поможет...

— Поможет ей сойти в могилу, — оскалился юноша. — Лучше не перебивай, не то я оторву тебе голову прежде, чем закончу свою историю, и ты умрешь, не узнав, как же я спасся. И почему я больше не урод. Молчи! — Он лязгнул зубами совсем близко от горла своего воспитателя. — Молчи! Молчи, пока я не позволю тебе говорить!

Ты пичкал мою мать какой-то отравой, отчего она умерла. А я, вскормленный ядами еще в материнской утробе, родился уродом. Но при этом — чрезвычайно живучим уродом, потому что ядовитые пары, убившие твоих слуг, оказались бессильными, когда дошла очередь до меня.

Я не умер. Я спустился вниз и увидел, что прочие мертвы. Это огорчило меня. Ты даже представить себе не можешь, как! Я ведь решил, что и ты погиб. О, как я рыдал, сидя над трупом моей доброй кормилицы и боясь спуститься вниз, чтобы не увидеть трупа моего благодетеля, графа Леофрика!

И все же мне пришлось спуститься. Я обошел весь замок. Я надеялся, что ты также невосприимчив к ядам. Ведь ты алхимик! Но... Как ты понимаешь, любезный мой господин, тебя я так и не нашел. Зато обнаружил, что все двери замка заперты, окна первого этажа, как мы с тобой уже вспоминали, заложены камнями... словом, я в ловушке.

Ты запер меня здесь, ты пытался извести меня ядом, а потом обрек на голодную смерть! А сам сбежал в безопасные края, не так ли? Отвечай!

— Не совсем так, — отозвался граф Леофрик. Ему больше не было страшно. Только больно и горько. — Я хотел, чтобы то зло, которое я выпустил наружу по неведению и неловкости, осталось замурованным внутри замка. Я расстался с родовыми землями и переселился в другие места. Там все было по-другому. Я тосковал по тебе, Килдор. Я никогда не предавал ни тебя, ни твоей матери.

— Закончил? — прищурился Килдор. — В таком случае, я продолжаю.

Я съел всех крыс, каких нашел. Правда, это были отравленные и дохлые крысы, но я их съел. Я обглодал трупы. Да, да, это я сделал тоже! Невкусно, но есть можно. Я не хотел умирать. Я пытался выбраться наружу. Кроме того, я предполагал, что рано или поздно сюда придут люди. Ну давай, спроси, приходили ли сюда люди?

— Приходили... люди? — спросил граф Леофрик послушно.

— Ага! — торжествующим голосом выкрикнул юноша. — Приходили, можешь не сомневаться! Еще как! Но сначала мне пришлось довольно туго.

Когда закончилось все, что можно было худо-бедно употребить в пищу, я принялся за несъедобное. Я пил снадобья в твоей лаборатории, надеясь, что они прекратят мое земное бытие. Или, возможно, я надеялся, что сумею обмануть голод и все-таки останусь в живых.

Не знаю, сколько времени прошло. Я больше не хотел есть. Я не испытывал страха, тоски от одиночества, я даже не скучал по моей доброй кормилице и по тебе. Я просто существовал, окруженный странными сумерками. Умер ли я? Остался ли жив? Даже этого я не мог сказать с определенностью.

Все предметы утратили материальность. Все, что я видел вокруг себя, сделалось плоским, серым, расплывчатым, как будто его нельзя даже потрогать рукой.

Мои пальцы то проходили сквозь стену, то натыкались на твердый камень. Я как будто замер на границе двух миров и не знал, в какую сторону мне податься.

И вот однажды сюда пришли люди! Какие-то несчастные мародеры. Они разобрали камни в одном из окон первого этажа и забрались в башню. Видимо, хотели поживиться твоим барахлом. Не знаю уж, на что они рассчитывали. Наглецы. Едва увидев первого из них, я уже знал, что мне следует делать. Я набросился на него сзади и перекусил ему артерию на горле. Вот здесь, под ухом.

Тонкий палец коснулся шеи графа Леофрика. От этого прикосновения, влажного и холодного, Леофрик содрогнулся всем телом, как будто ощутил на себе руку трупа.

— Кровь брызнула во все стороны, — продолжал юноша с лихорадочной быстротой, то и дело оглядываясь по сторонам и слизывая быстрым длинным языком капли со стены. — Я припал к разорванному горлу и пил, как сумасшедший. Я не мог остановиться. Меня мучила жажда, и чем больше я пил, тем сильнее она меня мучила. Мир вокруг меня начал меняться. У предметов появились объем и цвет. Я больше не был погружен в бесплотный серый мир. Нет, я жил — более чем жил! — никогда еще я не чувствовал себя таким живым! Меня переполнял экстаз.

Я вскочил и бросился искать второго бедолагу. Тот как раз выковыривал из стены какой-то серебряный светильник. О боги Лемурии, какой глупый у него был вид! Чем только занимаются люди! Увидев меня, он попытался бежать, но я настиг его и сожрал живьем. Я начал с артерии на ноге. Как он орал и отбивался! Эти крики наполняли меня радостью, слышишь ты, бледный червяк? Я радовался! Впервые в жизни я радовался по-настоящему! А потом... Знаешь, что произошло потом? Ну, отвечай!

Леофрик отрицательно покачал головой.

— Потом я увидел свое отражение в зеркале! — торжествующе объявил юноша. — Я больше не был уродом! Меня преобразила кровь... Продолжать рассказ?

— Да, — глухо проговорил Леофрик.

— Время от времени я выбирался на охоту, — теперь Килдор задумчиво тянул слова, словно припоминая какие-то малозначительные, но приятные эпизоды. — То тут, то там. Ловил каких-то путников, которых все равно никто не стал бы искать. Мне не требовалось часто пить кровь. Я просто хотел дожить до того дня, когда ты вернешься в свой замок. А я знал, что ты сюда вернешься. Тут осталось слишком много воспоминаний. Ты непременно захотел бы покончить с ними. Ты всегда подчищал за собой любую грязь. Наверное, хочешь жениться, завести детей и завещать им свою безупречную репутацию?

И откинув назад голову на длинной тонкой шее, Килдор громко, визгливо расхохотался. Леофрик глядел на него и дивился сам себе: он не испытывал сейчас ровным счетом ничего. Даже страха. Даже досады. Ему даже не было интересно. Все встало на свои места, вот и все.

В этот момент краем глаза граф увидел, что на пороге появилась гигантская фигура киммерийца. Увлеченный своим рассказом и упоенный мгновениями сладкой, долго лелеемой мести, Килдор не заметил нового врага. Он смеялся, и из угла его рта текла кровавая слюна.

— Кром! — взревел Конан, бросаясь вперед и занося меч над головой упыря.

Килдор обернулся, гибким движением отскочил в сторону — но киммериец, казалось, знал заранее, где окажется его противник спустя мгновение, и нанес удар именно туда. Голова как будто сама собой подпрыгнула над плечами, затем зависла в воздухе, отделенная от тела доброй сталью, завизжала и покатила по полу, бессильно лязгая зубами. Конан отпрыгнул и нанес еще несколько рубящих ударов. Рассеченная надвое, голова стихла. Ненависть в горящих глазах погасла, а затем они помутнели и подернулись пеленой.

Тело исходило кровью. Оно лежало на полу, дергаясь, как шланг, вырванный из полной бочки. Во все стороны хлестала густая, черно-красная кровь. В комнате стоял невыносимый запах тления.

— Бежим! — крикнул Конан, хватая Леофрика за руку, но тот не двинулся с места.

— Я вызвал это чудовище на свет, я должен и отправить его во тьму, — проговорил он.

— Я уже отправил его во тьму, — возразил киммериец. — Уходим отсюда! Мы уже и без того запачкались. От волос теперь целый месяц будет смердеть тухлятиной.

Он силком потащил графа к выходу.

* * *

Башня начала оседать. Уворачиваясь от падающих камней, Конан и остальные бежали прочь. Граф задыхался — киммериец почти силой тащил его за собой. Маленький Дакко вцепился в одежду Аллека и верещал, как обезьянка. Танет удирала, подхватив длинные юбки и бесстыдно сверкая округлыми ляжками, однако сейчас ее прелести ни на кого не производили впечатления, да и сама она вряд ли об этом думала.

Они успели отбежать от башни на несколько шагов, когда откуда-то из земных глубин, пробивая каменную кладку подвала, вырвалась сильная огненная струя. Она пронзила башню снизу доверху, как гигантская игла, и в столбе ревущего пламени пронеслись, вихрь, фигуры мужчин с раскинутыми руками, женщин с развевающимися волосами. Они вертелись и трансформировались, растягиваясь, скручиваясь и превращаясь в чудовищ, а потом и вовсе теряя форму и расточаясь в пламени.

— Поехали отсюда, — с отвращением проговорил Конан. — Клянусь Кромом, мне теперь целый месяц кусок мяса в глотку не ползет! Я умру от голода.

— Можно ведь питаться хлебом, ягодами, — подал голос Ловес.

Конан скроил гримасу такого ужаса и отвращения, что все его спутники, даже Танет, не выдержали и рассмеялись.

OCR: Vodevil (Мельник Юрий)

WWW.CIMMERIA.RU